

Евгений Белогорский

ЛЕТО
ДОЛГОЖДАННЫХ
ПОБЕД

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Военная фантастика (АСТ)

Евгений Белогорский

**Во славу Отечества! – 2.
Лето долгожданных побед**

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Белогорский Е. А.

Во славу Отечества! – 2. Лето долгожданных побед /
Е. А. Белогорский — «Издательство АСТ», 2022 — (Военная
фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-148636-5

Август 1917 года, мятеж генерала Корнилова удался. История пошла по новому пути. Верховный правитель России генерал Лавр Петрович Корнилов собрал вокруг себя истинных патриотов, таких, как Слащев, Кутепов, Деникин, а также Сталин, Дзержинский, Камо... И Россия не упала в анархию, удержала фронт, и вот уже проливы и Константинополь под рукой России. Но и германский гений не дремлет, и новое немецкое оружие стирает с лица земли Лондон и Париж. Война разгорается с новой силой и на суше, и на море, и в воздухе.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-148636-5

© Белогорский Е. А., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Оперативные документы того времени	6
Глава I	11
Оперативные документы	24
Глава II	26
Оперативные документы	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Евгений Белогорский
Во славу Отечества
Лето долгожданных побед

© Евгений Белогорский, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Оперативные документы того времени

Из отчета главного санитарного врача рейхсвера генерал-майора Генриха Краузе фельдмаршалу Людендорфу от 20 июня 1918 года:

...Довожу до Вашего сведения, что за время нашего наступления на Западном фронте с марта по июнь месяц этого года общее число потерь наших войск составляет 689 312 человек. Из них к безвозвратным потерям относятся 196 853 человека. Всего за этот же период времени в строй было возвращено 207 637 человек, ранее находившихся на излечении в полевых и тыловых госпиталях рейха.

Несмотря на Ваши неоднократные приказания военным госпиталям и гражданским больницам рейха увеличить к 1 июля этого года число выписанных раненых до 250 тысяч, с огорчением должен известить Вас, что это совершенно невозможно. Главным образом из-за большого числа тяжелых ранений, полученных нашими солдатами в результате последнего наступления рейхсвера. Все они для своего полноценного излечения требуют гораздо больше времени, чем Вы отводите нам, требуя скорейшего возвращения солдат в строй.

Генерал-майор медицинской службы Г. Краузе

Пометка на полях рукой Людендорфа: «Сменить этого осла на более умного человека».

Из доклада начальника оперативного отдела имперского Генерального штаба от 15 июня 1918 года:

...Состояние наших армий на Западном фронте, согласно докладам их командиров, оценивается как очень сложное. В результате понесенных потерь общее число солдат, годных к строевой службе, сильно сократилось, ни одно из подразделений Западного фронта не имеет полного штатного укомплектования. Так, средняя численность батальона составляет 656 человек, а в роте имеются 30–40 штыков. Самое плачевное состояние в 9-й армии генерала Белова, здесь численность одного батальона составляет 501 человек, а в роте от 25 до 27 штыков.

При этом из-за недавней активности русских мы не можем снять с Восточного фронта ни одно из своих соединений, общая численность которых составляет 32 пехотные и 4 кавалеристские дивизии. Для исправления сложившегося положения самым рациональным действием является расформирование в армии одной дивизии и сокращение числа рот в батальоне на одну. Только этот вариант позволит поддержать общую численность армий Западного фронта в их штатном укомплектовании.

Однако кроме боевых потерь рейхсвер понес также потери в виде дезертиров и перебежчиков, общее число которых, согласно рапортам управления полевой жандармерии и военной контрразведки, за последние три месяца в прифронтовой зоне составило 1218 задержанных дезертиров, и 326 человек перешли на сторону врага. Все задержанные солдаты и унтер-офицеры направлены в фильтрационный лагерь под Рюбецалем, где с ними будут проведены следственные действия с целью определения степени вины каждого дезертира. Офицерам контрразведки предписано проводить работу по активному выявлению колеблющихся лиц из числа как рядового состава, так и среди унтер-офицеров и даже обер-офицеров.

На данный момент общая численность наших войск продолжает сохранять свое превосходство над силами союзников, противостоящих нам на Западном фронте, в соотношении 207 наших дивизий против 188 дивизий врага. Из общего числа наших соединений Западного фронта 71 дивизия является свежей и имеющей сверх положенного штата по одной полевой батарее благодаря самоотверженной работе нашей военной промышленности.

Согласно данным армейской разведки, а также сил воздушного наблюдения, установлено, что противник ведет усиленную переброску своих сил под Париж, при этом ослабляя свои

позиции под Верденом. Туда в срочном порядке переброшены все 14 американских дивизий, чье прибытие во Францию резко сократилось в последние две-три недели. Все прибывшие части проходят срочную подготовку, обучаясь созданию глубокоэшелонированной обороны, и постепенно заменяют стоящие здесь французские полки.

Кроме этого, у противника идет ускоренное усиление фронтовых соединений артиллерией, авиацией и бронесилами: танками и броневиками, которые можно успешно использовать как в наступлении, так и в обороне.

Расценивая положительные шансы на успех нашего нового наступления, следует отметить три фактора, серьезно ограничивающие нашу свободу. Во-первых, наши дивизии смогут наступать только на ограниченном участке фронта, используя для этого двойное превосходство над противником, во-вторых, это возможно при отсутствии активных действий врага на других участках фронта, и, в-третьих, оно должно быть проведено в течение ближайшего месяца.

Из всех трех факторов очень важен последний, поскольку любое промедление только выгодно противнику. Фош сможет полностью стабилизировать фронт с помощью французских дивизий, переброшенных с Балканского фронта, а также американских сил, чья переброска может полностью возобновиться в любой момент.

Секретная записка фельдмаршалу Людендорфу от ведущего специалиста 12-го (технического) отдела имперского Генерального штаба профессора Пауля Танендорфа от 10 апреля 1918 года:

Экселенц! Спешу сообщить Вам, что все заводские испытания с присланными на наш испытательный полигон фирмой «Бельке-Блом» дирижаблями образца V-300 успешно завершены. Все три аппарата этого типа подверглись самой тщательной проверке специалистами нашего отдела в условиях реальности, и все три выдержали испытания при любой погоде. По заключению пилотов-испытателей, дирижабли полностью соответствуют всем обозначенным в их паспортах техническим характеристикам.

Дальность полетов аппаратов без дозаправки увеличена втрое против обычной дальности аппаратов данного типа и составляет две тысячи километров в один конец с полной бомбовой нагрузкой и экипажем в составе двенадцати человек.

Кроме дирижаблей, предназначенных для дальних перелетов, прошли удачное испытание и дирижабли с малым радиусом полета, но обладающие значительной грузоподъемностью образца V-350. В отличие от обычных аппаратов они могут нести на своем борту до двух рот солдат или поднимать бомбовые нагрузки до полутора тысячи килограммов. Все они имеют вооружение пулеметами, а также двумя аэродинамическими пушками калибра шесть дюймов.

Особенность этих орудий позволяет вести стрельбу в воздухе, не создавая серьезных помех при полете, что позволяет широко применять их при обстреле вражеских городов или заводов с воздуха. Всего для испытания было предоставлено пять опытных образцов этого типа дирижаблей. Все вышеперечисленные виды дирижаблей оснащены тремя особо мощными моторами фирмы «Майбах» и созданы с использованием отечественного сырья.

Учитывая сложность положений на фронтах и Вашу прямую заинтересованность в этом проекте, я взял на себя смелость, не дожидаясь начала массового производства данных образцов дирижаблей на заводах рейха, реквизировать их у фирмы «Бельке-Блом» с целью начала их немедленной эксплуатации. Также мною была составлена заявка в авиационные части рейхсвера для быстрого создания экипажей этих аппаратов из лучших пилотов страны.

Жду вашего одобрения или наказания за свои действия,

с уважением, Пауль Танендорф

Пометка на полях рукой Людендорфа: «Вот действия истинного патриота Германии, болеющего за свое отечество. Присвоить профессору звание майора рейхсвера и закрепить на данном проекте».

Из секретного доклада специальной следственной комиссии под руководством полковника Рашевского С. К. от 7 июня Верховному правителю Корнилову Л. Г., лично:

...После длительных допросов, проводимых следователями комиссии с арестованными лидерами большевиков, удалось добиться признательных показаний от Красина Л. Б. и Раковского В. Н., содержащихся в отдельных камерах Таганской тюрьмы. Оба подследственных признали свою связь с разведкой Германии, которая снабжала их денежными средствами с 1912 года для проведения революционной агитации и пропаганды на территории России.

Все денежные потоки шли через небезызвестного банкира Парвуса, который совершал курацию социал-демократов с прямой санкции имперского Генерального штаба. Всего до августа 1917 года большевикам было передано более двух миллионов германских марок золотом, из которых миллион двести тысяч – с декабря 1916 года. Деньги переводились через Стокгольм Красиным и Ганецким, а также через запасной канал через Норвегию, за который отвечала Коллонтай. Второй путь поступления денег в Россию проходил через Румынию под контролем Раковского, на счета которого они поступали из Швейцарии от Платтена и Радека.

Кроме германской помощи для их революционной деятельности, согласно показаниям Раковского, социал-демократы получали финансовую поддержку со стороны представителя Великобритании господина Сиднея Рейли, по данным нашей контрразведки являющегося тайным сотрудником МИ-6, ее русского отдела. Прикрываясь торговой деятельностью, он длительное время работал в Петрограде и Киеве, где и попал в поле зрения наших служб. Всего за три года сотрудничества британские службы перевели на банковские счета большевиков около 250 тысяч рублей золотом, при этом основные суммы начали поступать с середины 1916 года. С марта 1917 года всей финансовой помощью руководил резидент МИ-6 в России Вильям Вайсман через «Ниа-Банк» Олафа Ашберга.

Согласно показаниям Красина, финансирование большевиков также активно осуществлялось со стороны американских банковских кругов. Основными их представителями были банкиры Отто Канн, Феликс Варбург, Мортимер Шифф, представляющие фирму «Кун и Лоеб», имеющие поддержку таких финансовых тузов, как Гугенгейм и Макс Брейтунг. Все они активно поддержали предвыборную кампанию нынешнего президента США Вильсона через его политического советника Мандела Хауса.

После марта 1917 года финансирование социал-демократов шло непосредственно через петроградское отделение американского «Нэшл Сити-банк», открытия которого в феврале 1917 года добился лично американский посол Френсис. Основным получателем заокеанской денежной помощи являлся Троцкий, который через Свердлова производил по своему личному усмотрению финансирование того или иного крыла партии большевиков. Финансирование Троцкого непрерывно проходило вплоть до его ареста в сентябре 1917 года специальным отделом военной контрразведки как германского шпиона. Согласно конфиденциальным сведениям, полученным через сотрудника банка, на секретном счету Троцкого остались неиспользованными около 22 тысяч долларов на предъявителя. В настоящее время ведется более полное расследование по факту финансирования революционного движения в России со стороны.

Полковник Рашевский

Из стенограммы личной беседы полковника Хауса с президентом Вильсоном в загородной резиденции американского президента Скво-Велли, состоявшейся в феврале 1918 года:

Вильсон: Когда вы планируете полномасштабное вступление Америки в войну против Центральных держав?

Хаус: Только после хорошей германской встряски, которая наглядно продемонстрирует французам, англичанам и итальянцам, что теперь им стоит надеяться на спасение не со стороны русских, а только на нас, американцев. Это позволит в обмен на нашу помощь диктовать европейцам любые условия.

При этом вам, господин президент, будет необходимо объявить, что война ведется не против народов Центральных держав, а только против агрессивных монархических режимов, ища опоры в демократических кругах противостоящих нам государств. Этим самым мы только усилим революционные процессы в Центральных державах, предоставив возможность демократам самим свалить своих монархов, как это сделали их «товарищи» в России.

По сведениям наших дипломатов, Германия и ее союзники находятся на пороге скорого экономического кризиса. Их материальные ресурсы быстро приближаются к той опасной черте, за которой следует возникновение экономического краха и развала страны. Поэтому кайзер в этом году просто обязан играть ва-банк и произвести генеральное наступление против континентальных сил Антанты.

Вильямс: Настолько ли слабы сейчас русские, что вы так легко сбрасываете их со счетов накануне решающего сражения за обладание миром?

Хаус: Конечно, с Россией у нас вышло не все, что мы хотели получить, начав будоражить их демократов. Сбросив царя в намеченные планом сроки и утопив страну в демократической анархии, мы не смогли в полной мере переиграть англичан и французов, в страхе перед большевиками поставивших на генерала Корнилова. К сожалению, сэр Френсис слишком рано поверил в победу и поэтому полностью доверился действиям демократов и железнодорожников, оставив операцию по срыву мятежа Корнилова без должного контроля, и вот результат. Россия не вышла из войны, не подписала сепаратный мир с кайзером и, основательно ослабленная, все еще продолжает сохранять свое место за столом победителей.

Введенное Корниловым чрезвычайное положение очень сильно затрудняет работу наших скрытых агентов влияния по окончательному выполнению нашего плана, однако весь тот вред, нанесенный русским в результате революционной анархии, фактически невозможно устранить за все оставшееся в их распоряжении время. Я прагматик, господин президент, и не верю в чудеса.

Вильсон: Однако, может, не стоит недооценивать русских? За короткий срок они смогли решить проблему с вооружением своей армии, возникшую в начале 1915 года по вине англичан. Пообещав полностью удовлетворить все нужды русской армии в снарядах, патронах и винтовках, они сначала потребовали полной проплаты этих заказов, а затем скромно развели руками, сославшись на военные трудности своей экономики. Этим подлым ударом Англия буквально обескровила русскую армию накануне немецкого наступления летом 1915 года. Тогдашняя катастрофа имеет чисто британские корни, я это прекрасно помню.

Хаус: Естественно. Успехи русского наступления в Галиции в 1914 году были очень ошеломляющими, и поэтому англичане решили притормозить своего заклятого друга, вовремя подставив ему ножку. Мне кажется, что Ллойд-Джордж и сам не ожидал подобного попадания своим выстрелом в десятку. Русский фронт был тогда на грани развала, и все из-за простого срыва поставок снарядов.

Вильсон: Жаль, что в тот раз Людендорф не смог довести свое наступление до победного конца, хотя на Западном фронте стояло полное затишье, несмотря на отчаянные мольбы русского царя о помощи. Будь он понастойчивее, никто из западных демократов не помешал бы кайзеру свергнуть доверчивого Николая с его женой и заключить почетный мир с полным разделом русской империи.

Хаус: Да, тогда бы всему цивилизованному миру жилось бы гораздо спокойнее, если бы вместо одной огромной империи было четыре страны, как и записано в окончательной цели нашего Большого плана относительно русских. Независимая Сибирь и поделенная на три части

Европейская часть России, в каждой из которых было бы свое демократическое правительство, исповедующее только подлинные ценности западной цивилизации.

Вильсон: Вы забыли упомянуть о религии, полковник. Это очень важный для меня как истинного христианина вопрос, с игнорированием которого я категорически не могу согласиться.

Хаус: Простите, господин президент, я действительно не упомянул о той великой миссии, которую само Провидение возложило на ваши плечи, отдавая вам в руки президентскую власть в Америке. Как только Россия станет нашим сырьевым придатком и главным потребителем нашей продукции, думаю, нам не составит большого труда за короткий срок полностью уничтожить их ортодоксальное православие, заменив его протестантской религией. По сообщению наших агентов, для этого есть хорошие предпосылки. Сейчас большая часть русской интеллигенции полностью заражена идеями атеизма; подбросив новую порцию денег, мы легко сможем направить ситуацию в нужное для себя русло.

Вильсон: Надеюсь, что наш стратегический партнер Англия не останется в обиде за мое горячее желание уничтожить эту ортодоксальную ветвь христианства на нашей земле.

Хаус: Пока у нас с ними общие цели по перекройке мировой карты, Альбион терпит все, господин президент. Полностью завися от колоний, британцы готовы на все ради увеличения числа подвластных себе территорий. Увлеченные погоней за количеством, они забывают про качество. Наша пропаганда усиленно работает с темой «демократических ценностей», отход от которых и привел к этой ужасной мировой катастрофе. Именно этим объясняется агрессивность абсолютизма и недостатки «демократии» европейских держав. И утверждение подлинной демократии будет тем единственным средством, которое позволит предотвратить в будущем подобные мировые катастрофы.

По окончании войны только мы сможем в разоренной Европе претендовать на роль нового лидера, непредвзятого мирового арбитра над всеми остальными странами. Только мы будем иметь право влезать во внутренние дела других государств, определяя, в какой степени оно демократично, а в какой недостаточно. Вот тогда наступит время американской мечты, к воплощению которой стремились наши отцы-основатели и к реализации которой мы приступили в конце прошлого века, начав войну с Испанией за ее колонии.

Вильсон: Да поможет нам Бог.

Глава I

Жаркое лето в Берлине и Могилеве

В каждой стране Генеральный штаб является верхушкой гигантского айсберга, называемого армией. В нем принимаются окончательные решения по всем планам, которые кропотливо составляет Оперативный отдел. Но и сам он является только потребителем той информации, которая стекается по многочисленным каналам, заботливо собираемая множеством маленьких шестеренок большого аппарата. Участь их незавидна, ибо, делая всю основную черновую работу, они всегда остаются в полной неизвестности для всей страны, покорно отдавая всю славу и почет вышестоящим генералам и фельдмаршалам, без зазрения совести присваивающим плоды их трудов. На их долю, как правило, выпадают только награды и осознание того, что именно они являются подлинными творцами громких побед своего отечества.

Одним из таких людей был оберст-лейтенант Вальтер фон дер Берг, возглавлявший особый отдел секретных технических разработок при имперском Генеральном штабе. Обладая блестящим аналитическим умом, фон Берг слыл среди своих коллег открывателем блестящих талантов, безошибочно определяя большое будущее того или иного изобретения или открытия среди огромного моря иных открытий.

Самым любимым его детищем в его научных изысканиях была авиация с ее дирижаблями и аэропланами. Вовремя разглядев в открытии братьев Райт полезное зерно для рейхсвера, он приложил немало усилий для преобразования примитивных аэропланов в полноценную боевую единицу, вооруженную пулеметом. Также, веря в неограниченные возможности дирижаблей, фон Берг после долгих испытаний и опытов сумел заставить профессора Танендорфа создать совершенно новый тип этих летающих аппаратов.

Их главная особенность заключалась не только в сильно возросшей грузоподъемности аэростатов, но и в увеличении жизнестойкости их конструкций. Желая обезопасить дирижабль от вражеских пуль и снарядов, Танендорф предложил великолепную замену взрывоопасному водороду, воспламенение которого от пули, молнии или другого электрического разряда означало верную смерть всему экипажу летательного аппарата.

Этим заменителем оказался гелий. Обладающий такой же подъемной силой, как водород, он был полностью инертен к любому виду горения. Имея такую начинку, дирижабль мог сколько угодно получать повреждения своей оболочки, которые приводили бы только к потере газа, и при этом сохранялась жизнь команды.

Главным препятствием на пути широкого внедрения дирижабля нового типа была огромная стоимость гелия и отсутствие возможности его быстрого производства в нужном для рейха количестве. Ограниченный временем и средствами оберст-лейтенант был вынужден временно свернуть свои широкомасштабные планы и ограничиться малым, занявшись доведением имеющихся образцов нового дирижабля до его победного конца.

«Валькирия» – такое громкое название получил этот проект фон Берга после доклада у Людендорфа в феврале этого года. Фельдмаршал моментально ухватил всю суть преподнесенного ему дела и сразу стал его горячим сторонником, поставив его под свой личный контроль и при этом полностью засекретив. Отныне только ему полагалось докладывать обо всех успехах и неудачах этого дела, а всяким, кто даже косвенно проявлял интерес к работам Танендорфа, немедленно занималась военная контрразведка со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Когда фон Берг доложил о создании отряда особого назначения, Людендорф пришел в восторг. Оберст-лейтенант как нельзя кстати выдернул из кармана уже опробованное и доведенное до блеска свое новое изобретение. После неудач под Парижем рейхсвер уже не мог себе позволить продолжать оказывать давление на союзников. Его лучшие штурмовые силы были

принесены на алтарь непрерывного наступления с марта по июнь в надежде одержать полную победу, которая была так близка и осталась недоступна.

Теперь в рядах рейхсвера образовалась огромная дыра, на заполнение которой требовалось время. При этом стратегия победы требовала новых наступлений, пока американцы не завершили переброску в Европу своих частей. Удрученный сложившейся реальностью жизни, Людендорф лихорадочно разрабатывал план нового наступления в район Эперне, куда он собирался бросить свой последний стратегический резерв. Этот участок фронта, по данным разведки, был значительно ослаблен переброской основных сил под Париж. Французские и британские части были заменены американцами и канадцами, чей боевой опыт равнялся нулю. Лучший тевтонский ум предполагал прорвать фронт и после глубокого охвата Парижа с юго-востока заставить французскую столицу капитулировать.

Задача была очень сложной, с большим сомнением в успехе, но фельдмаршалу уже не было оставлено выбора. И в этот момент возник фон Берг.

– Гений, гений. Вальтер, вы просто гений! – не переставал восхищаться подчиненным Людендорф после окончания его получасового доклада. Лицо фельдмаршала искрилось огромной радостью и одухотворенностью, которой у него уже давно не наблюдалось. Фон Берг не только вовремя сотворил маленькое техническое чудо, но прекрасно развил и дополнил пожелания, высказанные ему на совещании в феврале. Оберст-лейтенант давал рейхсверу такой огромный козырь, с помощью которого германская машина могла спокойно продолжить свой нажим на союзников до самого осеннего листопада. Все это было очень прекрасно, но вместе с тем таило большую нравственную проблему, переступить через которую фон Берг любезно предоставил своему начальству.

Как бы ни был обрадован представленным докладом Людендорф, однако, воспитанный в традициях воинской чести, он не захотел мараться и, желая сохранить честь своего мундира перед историей, отдал окончательный вариант стратегического плана на подпись Гинденбургу, благо старик стоял выше его по положению. Но и здесь произошел досадный сбой: старый фельдмаршал дорожил своей честью не меньше молодого, и, как бы ни были блистательны и заманчивы перспективы, он поспешил переложить всю ответственность на плечи кайзера.

Естественно, основным докладчиком по этому делу был назначен фон Берг, поскольку только он знал все тонкости и нюансы «Валькирии». Вильгельм принял их в своей летней ставке в Шарлоттенбурге во время июньского цветения липового сада, специально разбитого вблизи лично для кайзера. Человек, начавший одну из самых страшных войн, проявлял обыкновенную сентиментальность, в это время года он наслаждался гудением пчел и запахом цветущих лип.

Точно в назначенный час двери кабинета кайзера распахнулись, и к нему на доклад вошли три человека, один из которых держал в руках толстую кожаную папку. Ровным и неторопливым голосом начал фон Берг свой доклад кайзеру, совершенно не глядя в раскрытую папку, прекрасно зная все содержание доклада назубок. Оберст-лейтенант, просто и сухо излагая основные пункты проекта «Возмездие», сумел быстро заинтересовать кайзера, который с каждой минутой все с большим вниманием слушал говорившего. От услышанного глаза Вильгельма стали быстро наливать видимость блеском торжества и величия. От волнения его знаменитые усы-штыки, за время войны нещадно обыгрываемые вражескими карикатуристами, стали еще больше топорщиться строго вертикально, а поврежденная рука делала конвульсивные подергивающие движения.

Когда фон Берг упомянул о флоте, блаженная улыбка появилась на лице коронованного слушателя, и он впервые за все время позволил себе перебить докладчика:

– Это необходимо сделать в самую первую очередь, Людендорф! В самую первую очередь, обязательно отметьте это у себя, – с напором проговорил кайзер, а затем, несколько успо-

коившись и одернув на себе китель, произнес более спокойным тоном: – Продолжайте дальше, герр оберст, это очень интересно.

Берг посчитал, что ослышался в отношении своего звания, и, не придав этому особого значения, увлеченно и напористо продолжил свой доклад. Вновь полилась его плавная неторопливая речь, состоящая в основном только из сухих фактов и цифр, которые тем не менее оказывали на кайзера завораживающее действие. Вскоре Вильгельм вновь прервал его, в момент, когда Берг подробно описывал мощь и силу созданных дирижаблей:

– А Москву и Петербург мы сможем достать этими штуками или хотя бы Могилев со Ставкой Корнилова? – с большим интересом спросил кайзер, азартно бегая взглядом по карте России, расстеленной на одном из столов императорского кабинета.

– Сейчас, увы, нет, ваше величество. Созданные нами машины пока еще не в силах совершить столь дальние броски от наших фронтовых рубежей в глубь русской территории. Но на следующий, 1919 год я вам твердо обещаю, что наши бомбы обязательно упадут не только на Могилев и Москву, но даже на Нью-Йорк и, может быть, Вашингтон.

Вильгельм удовлетворенно кивнул головой и вновь полностью обратился в слух, при этом рисуя в своем мозгу красочные картины горящих вражеских столиц. Нездоровый румянец азарта разлился по щекам властителя рейха, и Людендорф понял, что дело в шляпе. Едва только Берг закончил свой доклад, как кайзер принялся радостно хлопывать его по плечу, что было высшим знаком монаршего одобрения.

– Вы просто молодец, полковник, да-да, именно полковник, герр Берг, вы не ослышались в моей скромной оценке вашего огромного подвига. То, что вы свершили, поднимет наш рейх на небывалую высоту и, несомненно, приблизит нашу долгожданную победу над врагами. Я полностью поддерживаю ваш план и требую, да-да, требую его скорейшей реализации. Если все пройдет блестяще даже хотя бы на первом этапе, клянусь всеми святыми, Железный крест первой степени вам обеспечен.

– Тогда вам следует отдать приказ к началу операции «Валькирия» и подписать эту директиву, ваше величество, – незамедлительно произнес Людендорф и с проворством заправского шулера положил перед кайзером листок с проектом директивы приказа. По лицу Вильгельма пробежала тень брезгливости, когда он прочитал его и осознал всю свою ответственность в этом ужасном деле. Grimаса отвращения пробежала по его лицу и погасла.

– Напрасно вы, Людендорф, думаете, что я буду колебаться перед этим жалким клочком бумаги! – презрительно бросил Вильгельм в лицо лучшему тевтонскому уму. – Вы, проливший море крови, не хотите пачкаться в этом. Хорошо, я сделаю это за вас, ибо я не боюсь простой людской молвы и хулы. Может быть, позже мне и будет стыдно, но сейчас я не колеблюсь подпишу этот приказ. Я подпишу его ради судьбы рейха и всей Германии, ради нашей общей победы. Цель всегда оправдывает средства, господа военные.

Закончив свою пафосную тираду, Вильгельм, не колеблясь ни секунды, взял в руки стальное перо и одним росчерком подписал поданный ему Людендорфом документ. Затем, величественно положив ручку на инкрустированный яшмой и малахитом письменный прибор, кайзер презрительным жестом оттолкнул от себя подписанный меморандум в сторону Людендорфа и Гинденбурга.

– Можете быть свободны, господа фельдмаршалы, отныне у вас появилось очень много новой работы. Не смею задерживать.

Лучший военный ум рейха и его первая надежда и опора, скривившись, проглотили горькую пилюлю кайзера, а тот, демонстративно не глядя в сторону оплеванных фельдмаршалов, приблизился к стоявшему в сторонке Бергу. Вильгельм крепко пожал ему руку и, еще раз хлопнув по плечу, произнес:

– Действуйте, герр оберст, я очень надеюсь на вас и ваши дирижабли и жду скорейшего результата.

Окрыленный этими словами фон Берг лихо щелкнул каблуками и, повернувшись через левое плечо, четко печатая парадный шаг, покинул кабинет кайзера. С этой минуты ему предстояло много сделать во славу любимой Германии, рейха и своего кайзера. Он очень хотел новых чинов, славы и наград.

...Окна штабного вагона литерного поезда Верховного правителя Корнилова были широко открыты. Крыша вагона была сильно накалена от июньского зноя, и поэтому кабинет командующего непрерывно проветривали. Легкий ветерок приносил живительную прохладу обитателям вагона, позволяя им находиться в слабо расстегнутых кителях. Стоявший у окна Духонин просто блаженствовал на ветерке, подставляя его прохладному дуновению свою раскрытую шею и грудь.

Сегодня в ставку были вызваны генералы Деникин и Дроздовский для обсуждения планов летнего наступления. Все основные его моменты уже были тщательно сверстаны и утверждены Корниловым и Духониным вместе с генералом Щукиным, и теперь предстояло озвучить их перед теми, кому предстояло воплотить бумажный план в жизнь.

Это был очень благоприятный момент для России: напуганные непрерывным наступлением немцев на Париж союзники с новой силой ринулись в Могилев, настойчиво требуя от Корнилова незамедлительно спасти Францию новым русским пушечным мясом. Посол Франции вместе с двумя военными атташе союзников каждый день буквально атаковывали кабинет Верховного правителя, извещая его об отчаянном положении Парижа и немецком наступлении на фронтах. При этом француз постоянно интересовался, какие меры собирается предпринять русский диктатор для улучшения положения его страны.

И здесь господа союзники впервые за все время войны получили хороший и крепкий отлуп. Корнилов твердо и убедительно доказывал, что Россия уже выполнила все взятые на себя союзнические обязательства: вывела из вражеского лагеря Турцию и провела наступление в Румынии, на большее у нее просто не было сил.

Закатывая глаза и яростно жестикулируя руками, союзники рьяно напирали на Корнилова, призывая бросить на австрийцев знаменитую корниловскую железную дивизию под командованием Деникина, успешно показавшую себя в прежних русских наступлениях. Верховный хитро улыбался себе в усы, а затем твердо заявлял, что не может бросить свой стратегический резерв, поскольку именно на нем базируется вся крепость его положения внутри России. Услышав это, союзники временно отступали, имея перед глазами пример русской неудачи на румынском фронте. Их наблюдатели сами прекрасно видели это наступление, находясь на переднем крае, со всеми подробностями описав в своих рапортах слабость русского воинства.

Затишье продолжалось до нового германского придвижения к французской столице, и все повторялось сначала. Постепенно разговоры перешли в откровенный торг, в котором обе стороны оговаривали цену, за которую Верховный решался продать свою стратегическую гвардию ради спасения Франции. На быструю помощь со стороны Штатов Париж не особенно рассчитывал и поэтому был вынужден идти на поклон к русским.

В этих встречах союзники очень быстро поняли разницу между прежним Верховным главнокомандующим в лице Николая, который зачастую уступал их нажиму, иногда идя даже вразрез с интересами своего государства, и Корниловым, который всегда руководствовался интересами своей родины. Главной его целью было сбережение русского солдата и целостности отечества, во благо которого и велась эта кровопролитная война. Оказалось, что у Корнилова было множество пожеланий к своим стратегическим партнерам как в политическом, так и в экономическом аспекте, от которых он никак не желал отступать.

Для принятия окончательного решения по столь важному для союзников вопросу было решено пригласить генерала Алексеева, на чьи плечи фактически легли обязанности премьер-министра. Соглашаясь на привлечение к переговорам этого не слишком лояльного к

союзникам генерала, они исходили из соображения, что тот мало что смыслит в экономике, и поэтому на этом поле его будет легко если не переиграть, то наверняка уменьшить русский аппетит. Однако здесь их ждало сильное разочарование.

На переговорах появилось совершенно новое лицо, которое основательно спутало все карты западным партнерам. Вместо столь привычного для них генерала Духонина в комнату вошел человек невысокого роста, кавказец со следами оспы на лице. Это был на вид сорокалетний мужчина с острым взглядом, одетый в простой полувоенный френч.

– Иванов, – чуть глуховато, с явным грузинским акцентом представился он изумленному французскому послу, с достоинством склонив голову. Появление кавказца Иванова сильно обеспокоило посла, который инстинктивно почувствовал определенную опасность, исходящую от этого невысокого человечка.

Это был специальный советник московского генерал-губернатора Иосиф Сталин, которого Алексеев специально привез с собой из Москвы. За все эти месяцы мало кому известный эсдек совершил стремительный рост под крылом своего всемогущего патрона. Оставаясь по-прежнему на своей малозначимой должности, Сталин курировал большинство вопросов, связанных с укреплением экономики России и ее безопасности. Молодой трудоголик, он мог сутками работать над спешно порученной ему работой и при этом продолжать контролировать другие, ранее возложенные Алексеевым на его плечи.

За короткий срок он подготовил подробный отчет об экономическом сотрудничестве страны с Европой, консультируясь при этом со многими специалистами в этой области. Когда Алексеев ознакомился с этими материалами, он ужаснулся той огромной степени финансовой зависимости России от западного капитала. По сути дела, страна была в долговой кабале у господ союзников, которые непременно воспользуются этим рычагом давления в самое ближайшее время. Из-за гигантской финансовой задолженности все победы русского оружия в мгновение ока свелись бы на нет при дележе победного пирога.

Поэтому именно на экономику собирался делать упор Корнилов в срочных переговорах с союзниками, стремясь выбить из их рук оружие, способное нанести смертельный удар русским. Отправляясь на переговоры в Могилев, генерал-губернатор решил взять с собой Сталина по нескольким причинам. Во-первых, по сути дела, тот являлся автором доклада по экономическому положению в стране и как никто другой владел всеми нужными цифрами и аргументами. В силу своей основной профессии Алексеев мог проявлять твердость характера, но помнить все необходимые для переговоров данные он был не в состоянии.

Во-вторых, сам Сталин прекрасно владел искусством переговоров и благодаря своему прошлому не был связан ни с одной из финансовых и политических сил страны. Будучи волком-одиночкой в чужеродной среде, он поневоле был вынужден верой и правдой служить только одному хозяину, Корнилову. И в-третьих, Алексеев верно рассчитал, что замена Духонина на темную лошадку заставит союзников насторожиться и собьет их с толку, что было очень важно на столь решающих переговорах.

Согласно обговоренному протоколу переговоры вел Алексеев, сидевший в центре стола, тогда как Корнилов и Иванов расположились по бокам от генерала. Оба мало что говорили, но между собой общались при помощи записок, передаваемых друг другу через личного адъютанта Корнилова. Желая сохранить все дело в тайне, стороны согласились на присутствие лишь одного французского переводчика, хотя это было грубым нарушением протокола переговоров.

С первых минут встречи Алексеев начал с выяснения судьбы русского золота, которое было вывезено из страны в 1915 году в качестве залога за иностранное оружие, в котором Россия тогда так остро нуждалась. Деньги были своевременно уплачены, однако ни Англия, ни Франция не поставили в срок уже проданный товар, ссылаясь на военные трудности. Импера-

тор Николай с пониманием отнесся к положению союзников, и выплаченные деньги благополучно зависли.

Алексеев со скрупулезной точностью развернул этот счет в девятнадцать миллионов фунтов стерлингов, заботливо приплюсовав туда набежавшие проценты от неустоек. Союзники дружно багровели и мрачнели на всем протяжении речи генерала и попытались оспорить некоторые из приведенных цифр, и в этот момент в дело вступил таинственный Иванов, до этого меланхолично куривший свою маленькую трубку.

Не торопясь, в полной уверенности своей правоты, он вытаскивал из папки одну за другой нужные бумаги с подписями союзных чиновников, которые полностью свели на нет все попытки союзников повернуть дело в выгодное им русло. Стремясь спасти честь своего мундира, французский посол и британский атташе попытались воззвать к русскому состраданию в отношении своих боевых друзей. Кавказец с пониманием покивал головой, а затем сказал, обращаясь к Корнилову:

– На сегодняшний день, Лавр Георгиевич, наши проплаченные заказы выполнены всего на двадцать три процента, и, согласно докладу господина Рафаилова, полностью выполнить их союзная промышленность сможет только к концу 1923 года.

Услышав эти слова, британский атташе пошел багровыми пятнами на лице, и только требовательный взгляд французского посла заставил его молчать. Месье заявил, что непременно доведет до сведения союзных правительств русские требования. Не изменившись в лице, Иванов, пыхнув своей трубкой, высказал надежду, что ответ союзники дадут в самое скорое время и тем самым не позволят русским усомниться в честности и искренности своих боевых товарищей.

– Я приложу для этого все свои усилия, господин Иванов, – как можно дружественнее произнес посол, стараясь изо всех сил удержать на лице маску участия и доброжелательности.

– В таком случае вас не затруднит дать нам разъяснения относительно судьбы русского залогового золота в сумме 42 миллиона фунтов стерлингов, которое было передано русским правительством под военный заем у Англии на двести миллионов фунтов в 1914 году. Золото было отправлено в декабре того же года, а денег правительство его королевского величества так и не предоставило.

– Это ужасная ложь, господин Иванов, и вы ответите за нее немедленно, – взорвался от негодования красный от злости бритт, вскакивая из-за стола.

– Господин Гордон излишне эмоционален, господа, он солдат, и этим все сказано, – поспешил разрядить обстановку француз, – но я полностью согласен с его несогласием с претензиями господина Иванова, о такой сумме залогового золота даже я ничего не слышал. Не соблаговолит ли русская сторона предоставить документы, в противном случае...

– Конечно, господин посол, – согласился с ним кавказец, – документы у нас есть.

Как замороженные смотрели союзники на коричневую кожаную папку, из которой их усатый оппонент с ловкостью факира извлек подтверждающие его слова документы.

– Вы, господин посол и господин Гордон, не могли знать об этой сверхсекретной операции по перевозке такого количества золота. С нашей стороны об этом знали только государь император и министр финансов. – Иванов вновь пыхнул своей трубкой, с невозмутимым лицом смотря, как взбудораженные союзники изучают переданные им бумаги. – Это английские копии, господа, специально сделанные для вас нашими секретарями. Если у вас есть сомнения в их достоверности, то я готов показать вам русские оригиналы с подписью главного британского казначея.

– Мы охотно верим вам, господин Иванов, но, как вы понимаете, эти бумаги требуют полного и всестороннего изучения, прежде чем мы сможем дать вам ответ.

Горец вновь благосклонно кивнул головой послу и ласково погладил свою папку. От этого движения француза передернуло в душе, и он инстинктивно почувствовал, что собеседник готовит ему еще одну гадость.

– Разберитесь, господин посол, разберитесь. Мы также просим разобраться с судьбой русских ценных бумаг, вывезенных нашими специальными чиновниками из Берлина и Вены перед самым началом войны. По приказу министра финансов они были в спешном порядке изъяты из отделений наших банков, дабы избежать конфискации немцами и австрийцами. Все они были переданы на хранение в Банк Франции, согласно меморандуму от августа 1914 года, заверенного французской стороной. Общая сумма этих ценных бумаг равна двенадцати миллионам золотых рублей.

Иванов ловко распахнул нутро своей дьявольской папки и любезно явил на свет тщательно сколотые документы. Француз собрал все свои силы и недрогнувшей рукой принял очередную порцию бумаг. Довольный собой черноусый курильщик, выпустив очередное колечко дыма, облокотился на свою ужасную папку, демонстрируя готовность вновь открыть ее и продолжить удивлять господ союзников.

От подобных действий несносного Иванова настроение у западных переговорщиков резко упало, но, сохраняя мину при плохой игре, посол был вынужден согласиться со всеми высказанными претензиями и пообещать разобраться в этом вопросе как можно скорее.

За все время переговоров Корнилов только хитро улыбался в свою короткую бородку, ловко прикрывая рот ладонью. За час до встречи он имел приватную беседу с помощником Алексеева и остался доволен его ответами. Теперь диктатор на деле убедился в правильности своего выбора привлечения к переговорам бывшего эсдека. Неторопливость и деловитость кавказца, с которой он отбил все нападки союзников на Алексеева, породили симпатию в душе Корнилова к этому молодому человеку.

Французский посол быстро отошел от шока, в который ввергли его бумаги Иванова, вспомнив, в каком плачевном состоянии пребывает его страна. Отодвинув полученные документы в сторону и косясь глазом в сторону кожаной папки, месть учтиво спросил Алексеева:

– Надеюсь, господин генерал, у русской стороны больше нет претензий к союзникам, и мы сможем продолжить наши переговоры?

– Ну что вы, господин посол, разве это претензии? То были простые рабочие вопросы, в отношении которых нам нужно было получить от вас пояснения, и не более того. Мы готовы выслушать просьбы и предложения наших верных союзников и выполнить их по мере возможности наших сил.

Удовлетворенный этим ответом француз посмотрел на британского атташе, который немедленно встал со стула и, придерживая рукой свой стек, торжественно произнес:

– Господин генерал, по личному указу его величества короля Георга я имею честь поздравить вас с награждением британским орденом Святого Михаила и Святого Георгия. Отныне ваш вензель будет красоваться на стенах храма этих святых в Лондоне. Также мое правительство награждает генерала Духонина Большим крестом короля Георга в знак признательности за его труды в борьбе против наших общих врагов.

Едва только Алексеев успел поблагодарить англичанина, как незамедлительно поднялся французский военный атташе и объявил, что, согласно указу президента Франции, присутствующие здесь подполковник Покровский и господин Иванов награждаются орденами кавалеров Почетного легиона. У Корнилова не дрогнул ни один мускул на его скуластом лице, когда он услышал эти слова, а Алексеев сумел скрыть лукавую усмешку, вовремя повернув голову в сторону горца, невозмутимо принявшего весть о своем неожиданном награждении.

Столь неожиданное награждение было обусловлено следующим фактом: желая подсластить русских переговорщиков, союзники заранее расписали между собой, кого и чем будут награждать. Англичане, как всегда проявив свою природную скупость, решили наградить

русских генералов менее значимыми орденами, объяснив это несоответствием рангов заслуг награждаемых более высоким наградам Британской империи. Французы, как наиболее зависимые переговорщики, должны были нести главное бремя по раздаче наград русским союзникам, и поэтому их военный атташе имел три наградных листа ордена Почетного легиона, которыми мог наградить по своему усмотрению любого из числа переговорщиков. Поэтому кавказец Иванов и попал в число награжденных, поскольку француз не рискнул обделить орденом столь важного участника.

Согласно плану французского посла, церемония награждения должна была состояться после начала переговоров, но генерал Алексеев спутал ему все карты, и поэтому раздача наград несколько запоздала.

Оба награжденных поблагодарили правительство и народ Франции за столь высокие награды и оценку их скромной деятельности, заверив, что отныне они с еще большими усилиями будут трудиться на благо общего дела. Когда раздача слонов закончилась, исполнив свою миссию, союзники постарались взять быка за рога или, вернее сказать, ухватить за шиворот медведя.

– Господин генерал продемонстрировал нам, что русские умеют хорошо считать, – начал француз, чуть откинувшись на спинку кресла, – позвольте и нам показать нашу арифметику. Перед войной долг русского правительства перед странами Антанты составлял почти миллиард золотых франков. С учетом набежавших процентов этот долг на сегодняшний день составляет миллиард двести миллионов, господин Алексеев.

Француз на секунду замолчал, желая насладиться мгновением триумфа, однако страха на лицах своих собеседников он не увидел.

– Если быть точным, господин посол, миллиард сто семьдесят два миллиона триста двадцать одну тысячу, – поправил его Алексеев, а Иванов с готовностью тронул замок своей окаянной папки.

– Вы совершенно верно назвали цифру своего долга господин Алексеев и, как любой здравомыслящий человек, должны понимать, что миллиард золотом – это очень большая сумма для наших стран.

– Господа союзники хотят вернуть свои деньги сейчас или смогут подождать полгода, за которые мы сможем полностью погасить наш долг без угрозы для своего рынка? – невинно спросил Иванов, невозмутимо набивая новой порцией табака свою кривую трубку.

Посол сильно смутился, он только хотел отыграться за свои прежние обиды и сделать русских более сговорчивыми. Он знал, что привыкшие к войне генералы плохо ориентируются в вопросах цифр и всегда пасуют в разговоре, боясь выдать собеседнику свое невежество. Так было почти с каждым из них вне зависимости от национального мундира, надетого на военного.

Однако Иванов явно не был военным, и цифры долга его совершенно не пугали. Он явно выпадал из всей русской колоды переговорщиков и вместе с тем был ее козырным джокером.

– Так как, в какие сроки вы желаете получить этот долг, господин посол? – впервые за все время переговоров подал свой голос Корнилов, холодно посмотрев на французца.

– Нет, господин Корнилов, речь, конечно, не идет о немедленном погашении всей суммы вашего государственного долга. Просто, следуя примеру господина Алексева, мы также решили навести ясность в наших финансовых отношениях с вашей страной и очень рады убедиться, что Россия по-прежнему является нашим достойным политическим партнером.

– Ну что же, я рад этому и думаю, что пришла пора поговорить о наших совместных действиях против кайзера Вильгельма и императора Франца. Мы уже выполнили все взятые на себя обязательства перед союзниками, проведя наступление в Румынии для оттягивания на себя части сил нашего противника. Я уже слышал ваши горячие просьбы начать новое наступление ради спасения Франции, но неудача майского наступления очень осложнила и без того напряженное положение внутри страны. Еще одна неудача на фронте, и я не смогу полностью

ручаться не только за спокойствие в истерзанной войной России, но и за ее возможность продолжать войну. Вспомните, каким катастрофическим было положение России в августе 1917-го, когда только благодаря героическим действиям корпусов генералов Крымова и Деникина мне удалось удержать страну от ее полного развала. Только опираясь на верные штыки, не охваченные большевистской заразой, Крымов смог навести порядок в Петрограде, а железный корпус Деникина удержал фронт от развала. И бросать в бой сейчас свой последний резерв я не могу.

Корнилов замолчал, давая возможность французскому послу осмыслить сказанное и выложить свои соображения на этот счет. Тот глубокомысленно помолчал, а затем, сведя брови, трагически произнес:

– Значит, генерал, вы отказываетесь помочь истекающей кровью Франции. Это ваш окончательный ответ?

– Наша страна не меньше Франции страдает от людских потерь, господин посол, – перехватил нить разговора Алексеев, опасаясь, что Корнилов с солдатской простотой может наговорить дерзостей. – И вы напрасно так однобоко трактуете наши слова. Господин Верховный главнокомандующий четко и ясно дал вам понять, в каком состоянии находится наша страна на данный момент, и не более того. Мы вовсе не против того, чтобы оказать помощь своему боевому союзнику, но вместе с этим мы не хотим кидать своих солдат на пулеметы и колючую проволоку врага полностью неподготовленными. Такие кровавые жертвы ради временного ослабления немецкого давления под Парижем Россия себе позволить не может. По моему глубокому убеждению, для коренного изменения ситуации нужно полномасштабное наступление против австрийцев, к проведению которого наши армии будут готовы только к середине августа, и не ранее.

– Но недавно генерал Дроздовский провел успешную операцию по освобождению Риги при поддержке кораблей Балтийского флота, – язвительно заметил британский атташе. – Значит, все же русская армия может успешно наступать?

– Не надо путать удачную операцию местного значения со стратегическим наступлением, господин Гордон, – холодно одернул его Алексеев. – Мы вынуждены были провести эту операцию для устранения негативных последствий среди населения, вызванных неудачей румынского наступления. По сути дела, мы только отбросили немцев с позиций, которые они занимали до августа 1917 года, и не более. Только благодаря тому, что все было подготовлено заранее по приказу ставки, наступление не было связано с большими потерями.

– Я прекрасно понимаю, что штурм Риги был инициативой господина Корнилова, который считал ее сдачу личным оскорблением, – поспешно сказал посол, – но неужели вы предлагаете нам терпеливо ждать до августа, когда Франция требует помощи сейчас? Что я должен сообщить своему президенту по окончании нашей встречи? Что господин Корнилов предлагает подождать и обойтись своими силами? А не допускаете ли вы, господа, падение Парижа и выход Франции из войны?

– Напрасно вы так драматизируете положение, господин посол. В своей последней речи президент Клемансо заявил, что он будет драться и за Парижем и никогда не пойдет на капитуляцию с бошами. Кроме этого, смею напомнить вам, что сейчас под Парижем сражается наш Русский легион. Его солдаты и офицеры храбро бьются и мужественно гибнут в боях с немцами, но не подпускают врага к стенам вашей столицы. Я знаю, что фельдмаршал Фош постоянно бросает его на самые опасные участки фронта, не считаясь с его потерями, и наши воины не ропшут и до конца выполняют свой святой долг. Это ли не реальная союзническая помощь, господин посол?

Француз что-то хотел возразить, но Алексеев властным жестом остановил его и продолжил свою речь:

– Повторяю еще раз, сейчас я не могу двинуть на помощь Франции ни одного своего солдата ни на одном из фронтов, но мы готовы помочь своим союзникам на другом важном участке борьбы против врага на Балканском фронте. Ради этого мы готовы полностью подчинить свой экспедиционный корпус союзному командованию и ударить по болгарам, чьи воинские качества очень низки. Немцы и австрийцы будут вынуждены отреагировать на эту угрозу и снимут свои войска с Западного фронта.

– Боюсь вас разочаровать, господин генерал, но командующий Балканским фронтом генерал Невьен очень скептически оценивает шансы на успех наших войск на этом направлении. К тому же маршал Фош уже отдал приказ о переброске части сил из-под Солоников обратно во Францию для спасения Парижа. Союзный штаб уже рассматривал этот вариант и полностью согласен с мнением генерала Невьена, – известил Алексева французский атташе.

– Позвольте с вами не согласиться, господин полковник. По мнению нашей Ставки, для развала фронта хватит одного хорошего удара. Данные нашей военной разведки, основанные на опросе пленных и воздушном наблюдении, полностью подтверждают это предположение. Даже с учетом ослабления сил фронта за счет убыли французских частей, русские и английские силы под единым командованием вполне могут взломать вражескую оборону. Все дело в желании, – парировал генерал.

– Тогда, может быть, следует поручить это дело одному из ваших боевых генералов, господин Корнилов, раз вы так уверены в успехе этого наступления? Например, господину Деникину или Дроздовскому, уже имеющим славный опыт побед.

– Нет! – категорически отрезал Верховный правитель. – Переброска любого из моих генералов на Балканы – слишком опасное предприятие, господа. И при подготовке нового наступления я не могу рисковать ими. Гораздо проще назначить на пост командующего Балканским фронтом генерала Слащева, он рядом, в Константинополе, и его переброска не будет связана с большим риском.

– Однако господин Слащев не имеет опыта командования фронтом, – возразил англичанин, – весь его путь как самостоятельного командира – оборона Моонзунда и Стамбула. Я думаю, это не тот человек, который способен совершить маленькое чудо под Солониками.

– Позвольте с вами не согласиться, господин Гордон. Я лучше вас знаю все его слабые и сильные стороны и потому уверен: генерал Слащев справится с этой важной миссией, – горячо заверил союзников Корнилов, – пост командующего фронта ему по плечу.

Среди переговорщиков наступила пауза, и посол обменялся с обоими атташе понимающими взглядами. Затем он вновь откинулся на спинку стула и произнес:

– Если господин Корнилов так уверенно ручается за своего генерала, мы готовы передать в Париж ваши предложения по объединению союзных сил на Балканах и передаче командования над ними господину Слащеву. Это очень хорошие вести, господа, но бедственное положение моей страны заставляет спросить вас: а что будет, если наступление на Балканах не состоится или если состоится, но не даст желаемого результата? Как быть в этом случае? – Посол сделал паузу, а затем продолжил: – При каких условиях Россия сможет начать наступление против австрийцев ранее названного вами срока, не дожидаясь полной готовности войск Юго-Западного фронта? По поручению союзных правительств я могу заявить, что они готовы благосклонно рассмотреть любые требования России о ее территориальных приращениях после окончания войны.

– Господин посол, я вас не совсем понимаю. О каком согласии или одобрении наших территориальных приращений идет речь? – твердо и четко сказал Корнилов. – Все земли, что мы желали получить, вступая в эту войну, а именно Константинополь и Проливы, уже давно признаны союзным правительством как наша собственность. Говоря так, я имею в виду секретный протокол, подписанный между нашими государствами в сентябре 1914 года, а также письменные заверения господ Черчилля и Клемансо от мая 1917 года о неизменности статуса

прежней договоренности. Это же господин Черчилль подтвердил мне лично в своем апрельском послании.

Верховный на секунду прервался и посмотрел на француза, всем своим видом демонстрируя, что он готов немедленно подтвердить свои слова бумагами. Уже наученный горьким опытом, что у русских каждое слово подтверждено кучей документов, посол лишь изобразил на своем лице целую бурю негодования и сделал протестующий жест.

– Кроме этого, мы претендуем на земли турецкой Армении, население которой ужасно пострадало от османского геноцида и обратилось к нам с просьбой о защите и принятии в состав нашей страны, поскольку только в нас они видят истинных защитников их веры и жизни. Я думаю, господин посол, что ни у кого из нас не поднимется рука вновь отдать этот многострадальный народ под иго османов. Что же касается земель австрийской Галиции, то народ ее в 1915 году присягнул на верность русскому государству в бытность царя Николая, и поэтому мы автоматически считаем ее своей территорией.

– Конечно, господин Корнилов, Проливы и Стамбул – это ваш военный трофей, вместе с Арменией и Львовом, союзное правительство не собирается отрицать это, – нехотя согласился француз. – Я просто хотел узнать, не претерпели ли за последнее время ваши взгляды изменения?

– Нет, господин посол, они не изменились.

Получив прямой и четкий отказ, француз пожевал губами, а затем спросил Корнилова, осторожно подбирая слова:

– Возможно, есть нечто иное, что способно заставить вас рискнуть начать свое наступление раньше августа?

Слова посла повисли в воздухе. Корнилов и Алексеев сконфуженно молчали, не решаясь первыми заговорить о деньгах, и это сделал временно выбывший из разговора свежеиспеченный кавалер Почетного легиона Иванов.

– Конечно, конечно, есть нечто иное, господин посол, – несколько глуховато произнес кавказец, который к этому времени выкурил свою очередную трубку возле открытого окна и неспешно возвращался к столу переговоров. – И имя ему миллиард франков золотом.

Сказано это было столь обыденным и в то же время столь серьезным тоном, что союзники вначале опешили, а затем обомлевший посол с удивлением в голосе произнес:

– Это, конечно, шутка, господин Иванов?

– Почему шутка, господин посол? Вы спросили цену, мы вам ее назвали. Я, конечно, понимаю ваше удивление, господин посол, от столь большой цифры, но поверьте мне, это вполне приемлемая и подходящая цена за жизнь наших солдат, которые погибли ради спасения Франции и спокойствия от людского бунта в нашей стране.

Наши воинские потери на этот день составляют около полутора миллионов солдат и офицеров убитыми и ранеными. Вдвое больше потери среди простого мирного населения нашей страны, а сколько городов и сел разрушил враг за это время, сколько материальных ценностей с оккупированных земель он вывез в свой рейх. И все это нужно будет поднимать из руин и восстанавливать в полном объеме, господа союзники. Кроме этого, нужны средства для надевания земель всех героев и ветеранов войны, а также выплаты денежной компенсации раненым, инвалидам и семьям погибших. Так что миллиарда франков на все это даже и не хватает, но, понимая все ваши трудности и потери, мы просим только его, – говорил Иванов, медленно и неторопливо прохаживаясь вдоль стола, и головы всех сидящих как по команде поворачивались вслед за ним.

– Это невозможно, – решительно изрек француз, – это просто невозможно.

Иванов в этот момент развернулся возле угла стола и так же неторопливо, держа в руке пустую трубку, направился к своему стулу. Все как замороженные неотрывно смотрели за ним, ожидая его ответа. У Алексеева от волнения вспотели ладони, он страшно испугался, что Ста-

лин сейчас скажет что-то не то и все закончится страшным скандалом. Он уже собирался открыть рот, но с ужасом осознал, что не знает, что сказать.

Иванов между тем спокойно сел и, посмотрев невинными глазами на французского посла и разведя руками, миролюбиво сказал:

– Ну что ж, как говорит русская пословица, на нет и суда нет, господа союзники. Думаю, этот вопрос нет смысла более обсуждать.

Когда все закончилось и посольство удалилось для составления отчета, Корнилов крепко пожал Иванову руку и произнес:

– Мне очень понравился ваш экспромт относительно миллиарда, господин кавалер Почетного легиона. Я сам бы никогда не смог найти в себе силы попросить у них такую сумму столь легко и просто, как это сделали вы.

Сталин хитро прищурился и ответил:

– А я не просил у них эти деньги, я их ставил в известность.

Так проходили эти переговоры, на которых союзники в очередной раз были вынуждены признать важность роли России в своих делах. И пусть первая попытка списать долг не удалась, Корнилов слабо верил в быстрое согласие Запада скинуть эту долговую удавку с горла своей страны. Главное, был сделан задел, союзники согласились с самим фактом возможности обсуждения столь щекотливого вопроса, как финансы. Теперь все дело за генералами.

В ожидании Деникина и Дроздовского Духонин еще раз пробежался взглядом по расстеленной на планшете карте Галиции, мысленно проигрывая весь замысел Ставки наступления против австрийцев. Этот противник уже был за годы войны неоднократно бит русскими армиями, и всякий раз только пожарная помощь немецких дивизий спасала австрийскую монархию от полного разгрома.

Зная, как внимательно следит противник за всеми перемещениями в прифронтовой полосе, готовя это наступление, Духонин решил несколько изменить обычную русскую тактику прорыва обороны врага. Теперь предстояло нанести два сильных удара по вражеской линии обороны, которые после ее взлома должны будут встретиться глубоко в тылу австрийских войск. В результате этого создавался огромный мешок, в который разом попадал весь цвет австрийской армии, что при нынешнем состоянии сил Франца-Иосифа было равноценно стратегическому поражению.

Готовя этот план, Духонин намеренно отошел от уже ставшей привычной для врага наступательной тактики, предложив Корнилову на этот раз в качестве ударной силы не пехоту, а кавалерию, усиленную мощным пулеметным и артиллерийским огнем. В нынешней позиционной войне конница лишилась своего ударного предназначения, получив лишь функцию тыловой охраны. Духонин был категорически не согласен с подобным положением дел, видя в модернизированной кавалерии главный инструмент одержания будущих побед.

Кроме этого, для усиления созданных ударных группировок прорыва Ставка решила направить такую военную новинку русского арсенала, как бронепоезда двух видов. Первый, тяжелый тип бронепоезда был оснащен морскими десятидюймовыми и восьмидюймовыми орудиями, что превращало его в могучий огненный кулак, способный взломать любую линию вражеской обороны, расположенную вблизи линии железнодорожного полотна.

Второй тип бронепоезда имел облегченный вариант и был создан на основе простых вагонов, обшитых противопулевой броней, он имел на своем вооружении полевые шестидюймовые орудия и станковые пулеметы. Кроме этого, каждый из бронепоездов имел высокие платформы, укрытые мешками с песком, за которыми располагалась пехота общей численностью до батальона.

Все эти новинки чудо-техники в количестве шести поездов уже находились под Киевом в ожидании приказа для своего выдвижения к месту намечаемого удара. Командиры поездов

были лично отобраны Духониным из числа тех фронтовиков, кого он сумел хорошо узнать за годы войны. Все они имели боевой опыт и были грамотными офицерами.

Размышления генерала прервал приход адъютанта Верховного подполковника Покровского.

– Ваше превосходительство, командующий Балтийским флотом контр-адмирал Щастный прибыл по вашему приказу и желает знать, когда вы его сможете принять.

– Сразу после Деникина и Дроздовского, Алексей Михайлович, сразу.

– Может, вы немного отдохнете, ваше превосходительство, на вас лица нет.

– После, голубчик, после. А пока прошу пригласить ко мне господина Щастного сразу после Деникина и Дроздовского.

Покровский послушно удалился, а Духонин уже энергично разыскивал папку со своими набросками по флоту. Благодаря энергичным действиям Щастного линкоры и броненосцы Балтфлота были полностью укомплектованы опытными экипажами. Свой первый экзамен отряд линкоров с честью выдержал под Ригой, когда огнем линкоров «Гангут» и «Петропавловск» при поддержке броненосцев «Андрея Первозванного» и «Императора Павла» была полностью уничтожена немецкая оборона, и город был взят русской армией с минимальными потерями. Корабельный огонь линкоров и броненосцев также сорвал все попытки немцев отбить город обратно, уничтожив большое число противника.

Такой удачный дебют привел Духонина вместе с Корниловым к мысли, что Балтфлот окреп и ему было пора ставить более важные задачи.

Оперативные документы

Телеграмма от фельдмаршала Людендорфа начальнику австрийского Генерального штаба генералу Штрауссенбургу от 22 июня 1918 года:

... Согласно тщательно проверенным данным нашей военной разведки, в Могилеве состоялась секретная встреча генерала Корнилова и его близкого окружения с представителями союзной миссии, на которой обсуждались различные варианты оказания скорой помощи войскам Антанты во Франции. Как наиболее приемлемый вариант был принят план Корнилова, согласно которому в самое ближайшее время должно начаться наступление под Солониками с целью отвлечения на этот участок фронта наших главных сил из Франции.

Срочно дайте ответ о Вашей готовности к отражению возможного наступления союзных сил на этом направлении и какие меры Вы намерены предпринять для отражения этого наступления.

Телеграмма от начальника австрийского Генштаба генерала Штрауссенбурга фельдмаршалу Людендорфу от 24 июня 1918 года:

Господин фельдмаршал!

После получения Вашего сообщения от 22 июня наш Генеральный штаб тщательно проанализировал полученные сведения и пришел к однозначному мнению, что широкомасштабное наступление под Солониками со стороны союзных сил в настоящий момент невозможно. В пользу этого говорит тот факт, что французское командование в спешном порядке сняло с позиций часть своих сил из состава экспедиционного корпуса и перебросило во Францию. Этим действием французы значительно ослабили силы Балканского фронта, а прибытия свежего подкрепления со стороны русских наша разведка не зафиксировала, что делает возможность наступления на этом участке фронта маловероятным.

С уважением, генерал Штрауссенбург

Срочная шифровка начальника военной разведки германского имперского Генерального штаба полковника Николаи агенту Максу от 23 июня 1918 года:

Фельдмаршал Людендорф благодарит Вас за ваш самоотверженный труд и поздравляет с награждением Вас Железным крестом второй степени за заслуги перед рейхом. Сведения, получаемые Вами от штабиста, крайне важны для нас. Вашей главной задачей по-прежнему остается выяснение сроков и места проведения нового русского наступления на Восточном фронте.

Продолжайте закреплять прочный контакт с агентом, ссужая его деньгами под расписки. Если представится возможность, предложите ему открытое сотрудничество с нами, твердо пообещав, что после завершения войны он будет иметь полное жизненное содержание и возможность сохранения его воинского чина в рядах рейхсвера. Вместе с этим не теряйте бдительность и не замыкайтесь на получении информации только от Штабиста.

Секретная телеграмма из Ставки Верховного Главнокомандования от генерала Духонина фельдмаршалу Фошу от 21 июня 1918 года:

Господин Фош!

Просим дать скорейший ответ по поводу Вашего согласия или несогласия с рассмотренным ранее на встрече членов союзной миссии с генералом Корниловым вопроса о назначении генерала Слащева командующим Балканским фронтом. В этом случае все союзные силы на данном театре военных действий будут полностью переподчинены ему с целью начала скорейшего наступления силами фронта.

Генерал Духонин

Срочная телеграмма из штаба объединенных сил Антанты от фельдмаршала Фоша генералу Духонину от 22 июня 1918 года:

Дорогой генерал!

Ради спасения нашего общего дела и великой Франции совет союзных штабов согласен временно назначить генерала Слащева командующим Балканским фронтом с контролем над его действиями со стороны союзного штаба. Его заместителем назначается генерал-майор британских сил Ален Шепард, назначенный полноправным представителем совета союзных штабов.

Фельдмаршал Фош

Срочная телеграмма Духонин – Фошу от 22 июня 1918 года:

Господин фельдмаршал!

Я хочу сразу предупредить Вас, что для скорейшего начала наступления под Солониками генералу Слащеву необходимо иметь полное единоначалие над всеми силами Балканского фронта, и ничего иного, кроме этого. Прошу Вашего скорейшего подтверждения этого особого статуса Слащева. Иначе он не сможет полностью и в отведенный ему срок выполнить возложенную на него задачу.

Генерал Духонин

Срочная телеграмма Фош – Духонину от 22 июня 1918 года:

Господин генерал!

Вы зря воспринимаете назначение генерала Шепарда первым заместителем генерала Слащева столь трагично. Все приказы нового командующего обязательны к исполнению, как мои собственные. Союзное командование ждет от генерала Слащева только победы, столь же быстрой и убедительной, как его мартовская виктория.

Фельдмаршал Фош

Из телеграммы начальника штаба Ставки генерала Духонина командующему Балтийским флотом контр-адмиралу Щастному от 22 июня 1918 года:

...Срочно начинайте подготовку похода отряда линкоров вместе с отрядом эсминцев и подводных лодок на Либаву, где, согласно данным разведки, замечено скопление большого количества германских тральщиков и миноносцев.

Также доложите, как проходят боевые учения отряда лодок Велькицкого и когда они будут готовы к выполнению боевой задачи.

Духонин

Глава II

Этот день флота открытой воды

Командующий кригсмарине генерал-адмирал Шеер внимательно перечитывал прогнозы синоптиков. Будучи моряком до мозга костей, Шеер предпочитал самолично вникать во все мелочи предстоящей операции, а не довольствоваться лишь одним докладом начальника оперативного штаба капитана цур зее Конрада Вольфа.

Безусловно, Шеер полностью доверял ему во всем, тем более что главным инициатором игры с Гранд-Флитом был именно Вольф, который путем всестороннего анализа выявил главную причину всех неудач германского флота в этой войне. По глубокому убеждению капитана, противник проник в тайну кода кригсмарине и свободно читал всю ее переписку. Рискнув поверить этой догадке и приказав перейти подводным лодкам на новый код, Шеер впервые за всю войну смог нанести англичанам серьезные потери, действуя целенаправленно, а не вслепую.

Теперь командир кригсмарине хотел не только получить окончательные доказательства догадок Вольфа, но и полностью рассчитаться с англичанами за все прежние неудачи, серьезно потрепав броненосные силы врага.

Дочитав бумаги до конца, Шеер молча вернул их Вольфу и, сев в свое кресло за письменным столом, с легкой обидой в голосе произнес:

– Вы не поверите, Конрад, как мне порой бывает завидно Гинденбургу и Людендорфу, которые с такой легкостью водят против врага наши армии, при этом ничуть не заботясь о согласии нашего кайзера. Даже сейчас, после наших славных побед над британцами, мне приходится врать и изворачиваться перед Вильгельмом, ради того чтобы получить его согласие на приведение нашего плана в жизнь.

– Кайзер не знает о наших планах? – тревожно спросил Вольф.

– Знает, но частично. Если бы он знал всю правду, то неизвестно, когда бы я получил его одобрение на нашу операцию. Поэтому удача сегодня нам нужна как никогда прежде, в противном случае нас всех ждет отставка. Ни я, ни Хиппер не боимся ее, но чертовски больно будет наблюдать со стороны, как наша славная мощь прокисает в тихой гавани.

Адмирал закончил свое излияние души, а затем, одернув на себе китель решительным жестом, как бы отсекая от себя минутную слабость, спросил адъютанта:

– Капитаны прибыли?

– Да, экселенц, они ждут в вашей приемной для получения от вас инструкций для предстоящего выхода в море, – с готовностью доложил Вольф. Для него эта операция была также очень важна, получи он сегодня окончательное подтверждение своей версии, долгожданный чин контр-адмирала можно будет считать, что у него в кармане. О противном результате Конрад старался не думать.

– Господа офицеры! Согласно данным нашей разведки в Норвегии, этой ночью из Бергена должен выйти большой караван английских судов с очень важным для британской метрополии стратегическим грузом. Наша цель – перехватить его и не допустить попадания по назначению с этих судов ни единого килограмма. Из-за нашей последней виктории, скорей всего, конвой каравана будет усилен англичанами, и, несомненно, предстоит хорошая драка. Поэтому мною принято решение послать более сильный отряд кораблей, чем это было в прошлый раз.

Шеер внимательно смотрел в лица сидевших перед ним моряков и отчетливо видел радость и оживление от возможности нанесения нового удара по врагу. Многих из присутствующих адмирал знал лично по учебе или службе, о достоинстве других он знал из рассказов знающих их людей или боевых рапортов, заботливо приготовленных неделю назад Вольфом.

Конечно, он мог ограничиться постановкой боевой задачи лишь перед Шмидтом или Бенеке, но, отправляя своих людей на столь важное дело, Шеер решил лично поговорить со всеми вместе командирами кораблей.

– На перехват каравана противника я отряжаю отряд крейсеров под командованием контр-адмирала Гедеке в составе кораблей «Кельна», «Пиллау», «Висбаден» и «Регенсбург». Вам надлежит перехватить вражеские суда и уничтожить их всех до одного. Пусть каждый матрос и офицер знает, что любой килограмм груза, доставленный конвоем в Англию, – это лишняя смерть наших солдат на Западном фронте и затягивание войны на новый день. Это необходимо довести до сознания всех экипажей эскадры, господ командиров. В прикрытии им выделяется отряд линейных крейсеров контр-адмирала Рейтера в составе «Мольтке», «Зейдлиц», «Гинденбург» и «Фон дер Тан». Полностью с планом похода вас ознакомит капитан Вольф.

При упоминании названий их кораблей командиры судов чуть привставали с места и согласно кивали головами. Шеер не менее торжественно кивал им в ответ, точь-в-точь как король своим верным вассалам.

– Это сильный кулак, способный разнести в пух и прах любой конвой, но на всякий случай в море будет выведена эскадра адмирала Бенеке в составе линкоров «Байерн», «Фридрих Гросс» и «Гроссер Курфюрст» с «Кайзериной», поскольку не исключено, что англичане могут попытаться перехватить наши корабли. Кроме этого, согласно данным разведки, противник готовит новый удар по Вильгельмсхафену, поэтому необходима боевая готовность и эскадре Шмидта. Но пусть это вас не волнует. Ваша задача – полностью выполнить свою миссию по уничтожению каравана противника. Пакеты с более полной диспозицией предстоящей операции адмирала Гедеке и Рейтер получают у моего адъютанта. Господа офицеры, кайзер и я надеюсь, что вы вместе со своими экипажами полностью выполните свой долг перед Германией и рейхом. Вопросы есть?

У капитанов вопросов не было. Ободренные столь громкими словами, а также новой возможностью подраться с англичанами, моряки дружно поднялись со своих мест, щелкнули каблуками и, склонив головы, радостно смотрели на Шеера в ожидании приказа действовать.

Адмирал со скрытой завистью смотрел, как его подчиненные устремились делать дело, тогда как его главная задача сводилась к скрытой борьбе с кайзером.

– Все свободны, кроме адмиралов Бенеке и Шмидта, их я прошу остаться для уточнения некоторых деталей боевых задач их эскадр.

Командующий кригсмарине терпеливо дождался, когда все вызванные им командиры покинут его кабинет, ведомые Вольфом, и только потом энергичным жестом предложил оставленным флотоводцам присесть за маленький стол, на который заботливый адъютант Киршоф аккуратно выставил три маленькие рюмочки с янтарным коньяком.

Предстояла доверительная беседа, в которой Шеер собирался раскрыть своим собеседникам весь замысел начинающейся операции. На столь высокую степень секретности адмирал пошел, желая исключить любую утечку информации на сторону раньше времени. Бенеке и Шмидт разом оценили особенность момента, поскольку за все годы совместной службы «железная маска», а именно так звали за глаза сослуживцы адмирала Шеера, никогда на службе так себя не вел. Оба разом обратились в слух, понимая, что сейчас услышат нечто необычное.

Немного раньше этих событий первый лорд адмиралтейства пригласил к себе в кабинет командующего Гранд-Флитом адмирала Джеллико. За день до этого на заседании палаты общин Черчилль с большим трудом сумел отбить яростные нападки своих оппонентов, недоброжелательных недавними не совсем удачными действиями британского флота. Вспоминая погибших моряков, многие из выступающих парламентариев явно добивались отставки морского лорда, но опытный лев британской политики сумел отстоять не только свое кресло, но и голову адмирала Джеллико.

Поздоровавшись с моряком, Черчилль жестом предложил ему сесть и немедленно стал буравить его колючим взглядом британского бульдога, присматривающегося, как лучше уку- сить свою жертву.

– Знаете, сколько гневных эпитетов в ваш адрес я выслушал прошлым днем, адмирал? Я не считал их, но поверьте на слово, их было ничуть не меньше разрывов немецких снарядов в Ютландском бою. И что самое интересное, их говорили те же люди, которые с пеной у рта сла- вили ваш стратегический гений после вашей тогдашней победы. Как скоротечна людская слава и сколь изменчивы люди, а в особенности политики, – проговорил хозяин кабинета, нетороп- ливо раскуривая свою очередную сигару. Черчилль все еще не остыл от вчерашней схватки в парламенте и желал отыграться на адмирале.

От сказанных слов у Джеллико на лице проступили красные пятна гнева, и он яростно заерзал в кожаном кресле, звучно протестуя против людской несправедливости. Уинстон не обратил на адмиральские трепыхания ровным счетом никакого внимания и, сверля свою жертву бульдожьим взглядом, продолжил свою речь:

– Мне стоило больших трудов, адмирал, убедить депутатов в ошибочности их взглядов на положение дел во флоте его величества. Огорченные большими потерями, они страстно желали наших с вами голов, Джеллико, и в этом желании им было очень трудно отказать. Сам я всегда готов подать в отставку с занимаемого поста, несмотря на все свои многочисленные труды и старания, направленные на перевооружение нашего славного флота. Если бы не наши последние неудачи на море, я бы вчера, несомненно, уступил натиску тори и, гордо хлопнув дверью, отправился бы воевать с немцами на континент. Однако потери, которые понес наш флот за последнее время, заставляют меня яростно держаться за это кресло, поскольку я вос- принимаю их как личное оскорбление, адмирал.

По мере произнесения тирады голос лорда уверенно набирал гневливые обороты, что заставляло адмирала еще больше краснеть.

– Ллойд Джордж был склонен просить вашей отставки с поста командующего Гранд- Флотом, но у вас оказался могучий заступник в лице самого короля. Его величество Георг считает вас самым лучшим и способным из всех адмиралов нашей империи, и ваша отставка в нынешний момент только сыграет на руку нашим врагам. Я полностью поддержал мнение нашего монарха, и господин премьер-министр не стал настаивать.

Сделав две затяжки сигарой, лорд дал возможность Джеллико немного успокоиться от гнева и волнений, а затем продолжил:

– Вы умный человек, адмирал, и прекрасно понимаете, что это хорошее расположение монарха к вам надо подкрепить конкретным делом, и чем скорее это будет сделано, тем лучше. Для поднятия престижа флота в глазах британцев нужен хороший успех. Я реалист и поэтому не требую от вас немедленного потопления германского флота, прекрасно понимая, что это невозможно, но думаю, что уничтожение нескольких кораблей противника вполне нам под силу. Что может предложить ваш штаб по этому поводу?

Едва Черчилль закончил свою неторопливую речь, как Джеллико незамедлительно поки- нул кресло и с торжествующим видом щелкнул застежками своей папки, желая поскорее реа- билитироваться в глазах своего патрона.

– Штаб флота, сэр Уинстон, уже подготовил хорошую жирную наживку для германской кригсмарине, с помощью которой мы обязательно смоем позор прежних неудач.

Слова адмирала зажгли в глазах Черчилля азартный огонек, и, одобрительно пыхнув сигарой, первый лорд адмиралтейства стал ждать продолжения.

– Согласно данным разведки, немцы продолжают проявлять большой интерес к нашим норвежским конвоям, доставляющим в метрополию грузы со шведским импортом. Удачно перехватив один из них, противник явно вошел во вкус легких побед и ведет активное наблю- дение за подготовкой новых караванов в Бергене. По данным нашей контрразведки, шпионы

кайзера в Норвегии получили в качестве первоочередной цели сбор всех данных, касающихся наших морских поставок из этой страны.

Читая все переговоры кригсмарине, мы решили воспользоваться этим удобным случаем, чтобы выманить часть сил Шеера и, используя численное превосходство, уничтожить их. Зная время выхода и состав эскадры, отправленной на перехват каравана, мы всегда сможем выставить большее число кораблей, чем выведет в море противник. С этой целью я уже перевел в Скапа-Флоу эскадру линкоров Грэга и в Ярмут эскадру линкоров под командованием Битти.

Под командование Грэга я отдал линкоры «Куин Элизабет», «Вэлиант», «Малайю», «Бэрхэм» и «Варспайт». Битти в свое распоряжение получил «Аякс», «Монарх», «Центурион», «Роял Соверен» и «Резолюшен». В случае необходимости из устья Темзы выйдет эскадра Стэрди в составе линкоров «Эрин», «Беллерофонт», «Эйджинкорт», а также линейного крейсера «Лайон». Я думаю, этих сил вполне хватит для воплощения наших замыслов в жизнь, сэр.

Черчилль внимательно слушал перечисление Джеллико названий кораблей, мысленно оценивая силу того или иного линкора, многие из которых были для него подобны родным детям, поскольку он приложил немало усилий к их созданию.

– Да, это солидное приготовление, Джеллико, и все ради нескольких кораблей кригсмарине. Не слишком ли вы боитесь немцев, адмирал?

– Я стремлюсь свести на нет возможность повторения наших прежних ошибок, когда мы отправили свои корабли в набег на Вильгельмсхафен. Будь у нас под рукой свежие силы с разведанными парами, исход битвы мог быть иным.

– Что ж, я вижу, что вы основательно подготовились к уничтожению кораблей Вильгельма. Если все пройдет как надо, я уверен, кайзер надолго запретит своим морякам выход в открытое море. А где «Кинг Джордж»? Почему вы не включили его в состав эскадры Грэга? Насколько я знаю, линкор уже восстановил свою боеспособность после мартовских боев.

– Я не хотел говорить об этом, сэр, но на борту корабля было небольшое волнение среди матросов. Несколько нижних чинов отказывались идти в бой и подбивали на это остальных членов экипажа. Бунтовщики были вовремя выявлены военной полицией и изолированы, однако я посчитал, что пускать в бой экипаж в его нынешнем состоянии было бы большой ошибкой.

– И совершенно напрасно, адмирал, совершенно напрасно. Только бой и совместно пролитая кровь сплотят команду корабля, подобно лучшему бетону, а не душевные беседы. Прикажите включить линкор в состав эскадры Стэрди, пусть проветрится в море.

Таков был разговор, а в ночь на 24 июня корабли Гедеке и Рейтера вышли на перехват торгового каравана, уже покинувшего Берген в сопровождении сильного эскорта. Морской код переговоров между эскадрами доподлинно известил британцев о численности противника и направлении его движения. Немедленно из Скапа-Флоу и Ярмута в сопровождении эсминцев и крейсеров вышла главная мощь Гранд-Флита.

Гедеке и Рейтер не обнаружили искомый английский конвой, поскольку тот, заранее извещенный адмиралтейством, сразу по выходе из Берга взял новый курс, старательно отходя на норд-вест. Зато германские корабли столкнулись с двумя колоннами английских линкоров, неожиданно выкатившимися им наперехват из-за черной полосы горизонта. Дозорный на мостике флагманского «Мольтке» лихорадочно пересчитывал вражеские дымы, которые с каждой минутой все четче вырисовывались на фоне наступающей зари.

– Две кильватерные колонны по пять вымпелов, господин контр-адмирал. В левой колонне головной «Куин Элизабет», а в правой – «Роял Соверен», – доложил он Рейтеру, не отрывая взгляда от окуляров мощного бинокля.

Тот быстро вспомнил все калибры обозначенных кораблей, и мурашки неприятной волной пробежали по его спине. Это были корабли класса суперлинкор, вооруженные по приказу Черчилля мощными пятнадцатидюймовыми пушками. Как бы в подтверждение этих раз-

мышлений прямо по курсу германской эскадры дружно вырос лес водяных столбов. Британцы начали пристрелку, оставаясь при этом вне зоны поражения германских двенадцатидюймовок.

Положение спасла отменная выучка экипажей обеих эскадр, которые по приказу Рейтера синхронно осуществили поворот «все вдруг» и начали стремительно отступать, предварительно выставив сильную дымовую завесу. Все это свело к минимуму повреждения от огня британских линкоров, их снаряды ложились с недолетом или перелетом, щедро осыпая борта немецких кораблей морской водой и градом осколков.

Англичане сразу сосредоточили весь огонь только на линкорах противника, посчитав их крейсера недостойными своего внимания, вцепившись, подобно бульдогу, мертвой хваткой в свою долгожданную добычу. Поэтому корабли Гедеке стремительно уходили прочь, оставляя своих боевых товарищей одних против огромной вражеской армады. Сквозь смотровую щель боевой рубки «Куин Элизабет» контр-адмирал Грэг азартно ловил силуэты немецких кораблей, на мгновения выскакивающие из клубов дыма и вновь уходящие в спасительную пелену. Скоро, скоро этот последний козырь врага будет бит, и британские комендоры смогут вволю попрактиковаться в дальней стрельбе.

Радист только что доложил полученный из Лондона перехват немецких радиogramм. Джерри только еще разводят пары на своей главной базе и едва ли успеют на эту драку. Единственно, что они советуют своим линкорам, – это держаться румбов норд-норд-оста.

«Мило, очень мило», – пронеслось в голове у адмирала, и в этот момент ветер полностью снес белую пелену с идущего концевым «Зейдлица», открывая его для глаз британских канониров.

Едва только цель стала ясно видна в орудийные прицелы, как англичане дружно забросали «Зейдлиц» своими пятнадцатидюймовыми снарядами. Однако охотничий азарт сыграл с сынами Альбиона злую шутку, их мощные бомбы падали куда угодно, только не на вражеский крейсер. Он был словно заговорен, в то время как один из ответных снарядов, выпущенный из кормовой башни, упал в опасной близости от правого борта «Куин Элизабет».

Видя столь маловразумительную стрельбу, Грэг приказал кораблям прибавить ход, надеясь, что с более близкого расстояния результаты огня будут более продуктивными. Это оказалось верным решением, и вскоре корму «Зейдлица» потряс ужасный взрыв, крейсер качнуло, однако он не замедлил ответить дружным залпом своих двенадцатидюймовок, под огонь которых уже подпадали головные корабли британских колонн. Шквал осколков щедро окатил капитанский мостик и всех тех, кто там находился.

Разрушив покров заговоренности германского крейсера, англичане вскоре добились нового попадания в «Зейдлиц», вызвав большой пожар внутри корабля. В этот момент ветер полностью развеял дымовую завесу Рейтера, и часть линкоров поспешила перенести огонь на «Мольтке», идущий вторым с конца кильватерной колонны.

Контр-адмирал постоянно запрашивал помощи, но главный штаб флота упорно слал из Вильгельмсхафена только одно и то же: «Держаться, держаться и держаться ранее указанного курса». Малой радостью для избиваемых противником моряков было появление в небе двух патрульных немецких дирижаблей, которые, едва это стало возможным, немедленно обстреляли корабли противника из пулеметов. На помощь этих воздушных тихоходов мало кто рассчитывал: что могут сделать их пулеметы и гранаты против брони суперлинкоров? Но почему-то во время их обстрела эскадры Грэга на «Бэрхэме» сломалась машина, в результате чего линкор под проклятья его командира капитана Томаса был вынужден покинуть общую колонну.

Его отсутствие заметно ослабило огонь супер-линкоров, однако это мало чем могло помочь «Зейдлицу», англичане уже основательно пристрелялись к нему, и вражеские снаряды сыпались на него один за другим. Кормовая башня крейсера была снесена удачным попаданием в ее верхнюю часть пятнадцатидюймовым снарядом, мгновенно уничтожившим весь ее

расчет и вызвавшим сильный пожар в пороховом погребе. Только его моментальное затопление помогло крейсеру избежать мгновенной и ужасной гибели.

Получив две подводные пробоины, «Зейдлиц» упрямо двигался вперед, несмотря на огромное количество воды, непрерывно поступающей внутрь корабля. Его чудом не поврежденные машины непрерывно работали, оставляя экипажу хотя бы призрачную надежду на спасение от британских кувалд, непрерывно колотящих по обшивке корабля. Командир крейсера Эрих фон Блюмберг, уже дважды раненый за этот бой, продолжал требовать от своих механиков невозможного, и они выжимали из своих котлов максимум и еще чуть-чуть сверх того. Огонь и дым постоянно возникали то в одном, то в другом месте на борту корабля, и всякий раз команда пожарных успевала потушить его, несмотря на смертельный обстрел британцев.

Чуть меньше доставалось «Мольтке», он имел всего пять крупных попаданий, лишившись грот-мачты, одной трубы и половины пушек в кормовой башне. Корма его также была разворочена и объята пламенем, но флагман не потерял хода, успевая при этом огрызаться уцелевшими орудиями. Немецкие комендоры также пристрелялись к головным кораблям противника, и на «Куин Элизабет» уже замолкло одно носовое орудие, а на «Роял Соверене» был полностью уничтожен капитанский мостик и возник пожар от двух прямых попаданий.

Германские артиллеристы стреляли точно и без спешки, словно это был не смертельный бой, в любую секунду грозивший им гибелью, а обычные учебные стрельбы на Балтике под присмотром дорогого кайзера. Вскоре новое попадание двенадцатидюймового снаряда в борт «Куин Элизабет» образовало подводную пробоину, и флагман Грэга несколько просел от принятой внутрь воды.

Однако как ни геройствовали германские моряки, неминуемая гибель с каждой минутой все явственнее и явственнее приближалась к ним. Рейтер уже в сотый раз собирался запросить Шеера о помощи, как в этот момент еще уцелевший от английских осколков впередсмотрящий матрос доложил ему о появлении множества дымов прямо по курсу. Они шли навстречу кораблям Рейтера двумя большими колоннами.

«Кто это? Свои или враги?» Эти мысли мучительно терзали немецкие экипажи несколько минут, пока сигнальщики четко не опознали в головных линкорах «Гельголанд» и «Кайзерин». В этот же момент радист доложил Рейтеру полученный приказ от Шмидта начать разворот «один за другим» и сосредоточить огонь крейсеров на вторых вражеских кораблях. Откуда, словно по мановению волшебной палочки, появилась спасительная помощь, не сильно беспокоило адмирала в этот момент. Он знал лишь одно: помощь подоспела, и бой продолжается.

Бросив на растерзание врагу свои линейные крейсера, Шеер очень рисковал, но эта игра стоила свеч. Увлечшись погоней, англичане полностью уверовали в свою безнаказанность, но теперь им предстояло пожать горькие плоды своего заблуждения. Устроив ловушку кригсмарине, они сами попали в хорошо расставленную западню, и теперь должны были приложить максимум усилий, чтобы выскочить из этой смертельной петли.

Едва Грэг и Битти поняли, кого они встретили этим пригожим утром, как перед английскими адмиралами встал вопрос, как спастись. К своему большому сожалению, они не могли столь же блистательно, как это сделал ранее Рейтер, совершить разворот «все вдруг» и, прикрываясь дымом, попытаться оторваться от врага. Оба командира не были уверены, что экипажи линкоров успешно сделают этот маневр, и поэтому скрепя сердце оба адмирала приказали совершить поворот «один за другим».

Немцы не преминули воспользоваться этим обстоятельством и незамедлительно открыли ураганный огонь по точке поворота британских кораблей. Огромные столбы воды один за другим взмывали высоко в небо в каком-то хаотичном танце бога войны, иногда перемешивая свой белый цвет с черным дымом и рыжим огнем.

Почти каждый из британских кораблей получил серьезное повреждение от столь губительного маневра. «Куин Элизабет» ярко горела от охватившего ее правый борт пожара. Больше половины ее носовых пятнадцатидюймовых орудий замолчало по той или иной причине, начиная от смерти боевого расчета до банальной поломки откатных механизмов. Не менее пяти попаданий крупным калибром и свыше десяти попаданий снарядов малого калибра имели «Вэлиант», «Малайя», «Аякс», «Центурион» и «Монарх». Каждый из кораблей мужественно боролся с возникшими на их борту пожарами и снизил свою былую огневую мощь на несколько орудий. Только «Резолюшен» из всех британских линкоров был словно заговорен от германских снарядов, которые падали куда угодно, но только не на него.

Флагман вице-адмирала Битти «Роял Соверен» при прохождении точки поворота получил две большие подводные пробоины, вслед за которыми, по теории подлости, незамедлительно вышел из строя один из котлов судна. Все это сильно уменьшило резвость линкора, но ничуть не повлияло на его боеспособность. Пятнадцатидюймовые исполины методично изрыгали из себя смерть, главной целью которой был линейный крейсер «Зейдлиц».

Постоянно идя концевым, он мужественно держался под огнем вражеских линкоров все то время, пока они делали свой поворот. Лишившись почти всех своих орудий, пылая черно-желтым заревом пожаров, крейсер упорно держался в кильватерном строю. Командир корабля капитан цур зее Вертер погиб вместе с офицерами своего штаба от прямого попадания британского снаряда в боевую рубку, и командование на себя принял командир носовой башни капитан-лейтенант Майзель. Прекрасно понимая обреченность своего корабля, он упрямо продолжал исполнять свой военный долг, не отдавая команды покинуть строй эскадры и тем самым позволить британским комендорам перенести свой огонь на другую цель.

«Зейдлиц», выполняя приказ Шмидта, также вместе с остальными кораблями эскадры стал выполнять поворот «один за другим». Терпеливо дождавшись своей очереди прохода поворотной точки, крейсер медленно развернул свой корпус на 180 градусов, но в самый последний момент сорвался в циркуляцию и выкатился из общего строя.

Вяло циркулируя по морским волнам, «Зейдлиц» медленно, но неотвратимо стал заваливаться набок. Сопровождающие эскадру Шмидта миноносцы немедленно устремились на помощь гибнущему судну, но подошли к нему, лишь когда трубы крейсера сначала легли на воду, а затем погрузились в морские воды. Морякам удалось спасти лишь пятнадцать членов экипажа «Зейдлица», которые успели выскочить на палубу тонущего судна, остальные погибли вместе со своим кораблем.

Ободренные своим успехом британцы незамедлительно перенесли огонь на «Гинденбург», который после поворота стал головным кораблем немецкой эскадры линейных кораблей, благо кормовые орудия их кораблей не пострадали от боя. Англичане быстро пристрелялись к крейсеру Рейтера, и вскоре на носу «Гинденбурга» взметнулся черный столб дыма, наглядно говоривший об успехе их стрельбы. Но это была их последняя радость в этом бою. Быстро и неотвратимо с двух сторон на британские корабли напоззали линкоры Бенеке и Шмидта, идущие параллельными с ними курсами.

Используя свое численное превосходство – девять линкоров у Шмидта и шесть у Бенеке, при поддержке трех линейных крейсеров Рейтера, – германские корабли принялись расстреливать противника из расчета один к трем. Завязался смертельный и яростный бой, в котором англичане отнюдь не выглядели слабыми детишками. Через тридцать две минуты боя эскадру Шмидта покинули «Позен» и «Нассау» из-за невозможности продолжения боя. Оба линкора получили более десятка попаданий 15-дюймового калибра каждый. «Позен» лишился почти всех своих 6-дюймовых орудий и четырех 15-дюймовых орудий носовой башни. На «Нассау» в результате попадания в машинный отсек и возникшего там пожара вышли из строя две машины корабля. Кроме этого, в результате подводной пробоины линкор принял большой объем воды и осел почти по якорные клюзы.

Из эскадры Бенеке строй покинул «Гроссер Курфюрст», который после сорока семи минут боя представлял собой практически грудку искореженного металла, еще каким-то чудом державшуюся на поверхности моря. Объятый дымом от многочисленных пожаров, он с большим трудом смог совершить разворот и, избежав столкновения с «Регенсбургом», лег на обратный курс. Все поврежденные корабли моментально взяли под свою охрану эсминцы и легкие крейсера контр-адмирала Мауве и со скоростью 8 узлов стали конвоировать на базу в Вильгельмсхафен.

Очень сложное положение сложилось на «Гинденбурге», у которого британские комендоры привели к молчанию все орудия обеих носовых башен. Бак крейсера был до неузнаваемости искорежен взрывами вражеских снарядов, сбиты обе мачты корабля. Только благодаря самоотверженности команды удалось погасить пожар в районе носового порохового погреба и в машинном отделении. Были разрушены также все орудийные казематы правого борта с 6-дюймовыми орудиями, но крейсер продолжал бой на грани фола. Таковы были потери кригсмарине, но урон врага был гораздо больше.

Хваленые любимцы Черчилля, суперлинкоры, не выдержали боевого испытания, навязанного им артиллеристами кригсмарине, которые методично лупили по ним из своих орудий, не обращая никакого внимания на смерть и огонь, бушующие вокруг них. «Варспайт», идущий в эскадре Грэга концевым, уже через семнадцать минут огненной дуэли был вынужден покинуть свою колонну, имея серьезное повреждение в рулевом управлении корабля. Вначале немцы решили, что линкор собрался совершить таран идущего против него «Фридриха Великого», но быстро разобрались и великодушно оставили поврежденный корабль на добивание отряду эсминцев Траубе.

Ровно через шесть минут после этого события, имея сильный крен на левый бок от двух подводных пробоин, строй эскадры Битти покинул концевой «Аякс». Линкоры Шмидта полностью уничтожили все орудия левого борта вместе с кормовой орудийной башней. Сильный крен на борт свел на нет возможность линкора вести полноценный ответный огонь по врагу из уцелевших 13-дюймовых орудий, благодаря чему «Аякс» стал легкой добычей германских миноносцев. Подойдя к кораблю с левого борта, они, как на учениях, добились поврежденного судно своими торпедами.

Едва только строй английских линкоров уменьшился на один корабль, как комендоры кригсмарине немедленно перенесли свой огонь на новые цели, увеличивая свое огневое превосходство в два раза. Теперь под убийственный огонь мужественно встали «Вэли-ант» и «Центурион». Именно «Вэлиант» сумел выбить после яростной огневой дуэли из германского ордера «Позен» и сразу после этого перенес свой огонь на «Ольденбург», сбив первым же залпом грот-мачту линкора вместе с капитанским мостиком. Затем после пятого залпа замолчала одна из носовых двенадцатидюймовок немецкого линкора, беспомощно задрал вверх свое раскаленное дуло. Казалось, что удача повернулась к англичанам лицом, но в этот момент один из вражеских снарядов пробил крышу кормовой башни и, разорвавшись внутри нее, вызвал сильный пожар. Англичане не успели вовремя затопить кормовой пороховой склад, и корпус линкор потряс ужасный взрыв, расколовший «Вэлиант» на две части.

Бедняге «Центуриону» сильно не повезло. Сначала по нему вели прицельный огонь «Гинденбург» и «Фон дер Тан» с «Мольтке», а затем к ним присоединились линкоры Бенеке. От многочисленных попаданий вражеских снарядов корабль был сильно разбит и окутан пламенем от многочисленных пожаров, бушующих от носа до кормы. И все же линкор продолжал сражаться. Уцелевшие носовые 13-дюймовые орудия линкора упорно били только по одному врагу и в конце концов одержали победу, выведя из игры «Великого Курфюрста». Британские моряки издавали гортанные торжествующие крики, наблюдая за поверженным врагом, спешно оставившим свою кильватерную колонну, при этом дружно желая ему поскорее потонуть. И

их истовое желание исполнилось: израненный «Гроссер Курфюрст» не смог достичь берегов рейха и затонул через сорок минут от момента выхода из боя.

Однако это была последняя радость команды линкора. Едва вступив в новую дуэль с «Гинденбургом», «Центурион» получил попадание под корму, стал плохо слушаться руля и вскоре сам покинул строй. На обреченном судне горело все, что только могло гореть, от избытка снарядами боков до самых труб. Линкоры кригсмарине, не сбавляя хода, прошли мимо пылающего судна, спеша перенести огонь на свои новые цели. Теперь их мало заботил обреченный корабль, полностью перешедший в ведение отряда миноносцев Краузе, которые, подобно хорошо отлаженной машине, потратили менее двадцати минут на добывание раненого британского льва.

Прошел уже час боя, британцы потеряли четыре корабля, однако обе британские эскадры упрямо продолжали двигаться выбранным курсом. Такое упорство адмиралов объяснялось очень просто. Едва Джеллико узнал о срыве его замыслов, он дал сигнал о немедленном выдвижении третьей эскадры линкоров от устья Темзы, а также послал приказ в Скапа-Флоу о введении в бой всех двенадцати оставшихся там линкоров Гранд-Флита. Уходящие на вест эскадры Битти и Грэга должны были заманить весь германский флот в смертельную ловушку, из которой, по мнению адмирала, он не сможет выбраться. Пяти английским линкорам оставалось продержаться чуть менее часа, когда по их преследователям ударят сначала с одного бока, а затем – с другого.

План Джеллико был прекрасен и полностью повторял ютландские задумки адмирала, но уходящим от погони британцам нужно было еще продержаться до подхода своих основных сил, что было очень затруднительным делом под метким огнем германских пушек.

Линкор «Малайя» из эскадры Грэга оказался крепким орешком. Его командир капитан Бойл, едва вражеские снаряды стали взрываться впритирку с бортами его корабля, вышел из кильватерной струи флагмана «Куин Элизабет» и стал умело маневрировать, постоянно сбивая прицелы у вражеских комендоров. Двигаясь ломаным зигзагом, «Малайя» уворачивалась от встречи с грохочущей смертью, которая азартно поднимала вокруг судна один за другим белые водяные столбы. В линкор попало всего два шестидюймовых снаряда, не причинивших судну особого вреда, за исключением одной сбитой трубы.

Не столь удачен в своих действиях был капитан «Резолюшен» Сэвидж. Он упорно держался в кильватере флагмана Битти «Роял Соверен», следуя ранее полученному приказу адмирала, не желая, подобно Бойлу, проводить маневры. В результате линкор с лихвой получал все германские «гостинцы», от которых судьба так упорно его берегла в начале сражения.

Прошло всего пятнадцать минут от момента выбывания из боя «Центуриона», а «Резолюшен» уже был обречен. Комендоры линкоров «Кайзерин» и «Кениг Альберт» при поддержке комендоров трех линейных крейсеров полностью вывели его из строя. Бедняга «Резолюшен» при целых пушках носовых и кормовых башен получил подряд три подводные пробоины в районе кормы, которые оказались для него роковыми. Продолжая вести огонь по идущим параллельным с ним курсом «Кайзерин» и «Кениг Альберту», корабль неотвратимо оседал в морскую пучину. Со стороны это было малозаметно, поскольку в этот момент на море поднялась высокая волна, и линкор то взлетал вверх, то падал вниз.

Дав по врагу очередной залп, линкор неожиданно качнулся вбок и стал стремительно заваливаться на полном ходу. Моряки с «Монарха» с ужасом наблюдали, как линкор перевернулся килем вверх и его огромные винты быстро крутили свои лопасти. Прошло несколько ужасных минут агонии, пока вырвавшийся из трюма воздух не прекратил мучение корабля.

Если до этого момента британские суда еще придерживались принципа коллективного боя, то после гибели «Резолюшен» каждый линкор предпочел вести личную тактику выживания под германскими снарядами. До спасительной встречи с кораблями Стэрди оставалось

около получаса, и командиры оставшихся линкоров лихорадочно считали каждую пройденную милю, страстно желая выжить.

Немцы также желали поскорее разделаться с противником, поскольку о выдвижении новых вражеских кораблей им сообщили подводные лодки, заблаговременно выставленные Шеером вдоль английского побережья. Прекрасно понимая, что их количественное превосходство может исчезнуть в любую минуту, германские адмиралы очень спешили использовать оставшееся в их распоряжении время.

Семь линкоров эскадры Шмидта обрушили свою огневую мощь на «Куин Элизабет» и «Малайю», а пять линкоров Бенеке и три крейсера Рейтера – на «Монарха» и «Роял Соверен». Спасаясь от вражеского огня, британские линкоры постоянно меняли галсы, едва немецкие комендоры начинали пристреливаться. При исполнении этих хитроумных сплетений спасительных зигзагов смертельно не повезло флагману эскадры Грэга. Увлечшись отклонением от огня вражеских линкоров, британцы откровенно просмотрели появление германских миноносцев, выведя корабли прямо на них. Уцелевший от вражеских снарядов наблюдатель «Куин Элизабет» слишком поздно заметил стремительно приближающиеся к линкору миноносцы противника.

Два мощных взрыва с интервалом в десять секунд потрясли корпус корабля, и он угрожающе накренился на правый борт. От неминуемого опрокидывания линкор спасло быстрое затопление трюма корабля с левого борта, что устранило опасный крен и выровняло судно. Но, приняв большое количество забортной воды, «Куин Элизабет» моментально потеряла ход и стала прекрасной мишенью для вражеских кораблей. «Байден», «Рейнланд» и «Тюринген» буквально забросали лишившегося хода британца своими снарядами. Один за другим сотрясались борта линкора от прямых попаданий немецких калибров, каждый из которых подводил роковую черту под судьбой корабля.

Однако британцы также не оставались в долгу, 15-дюймовые орудия линкора дважды поразили «Рейнланд», который оказался самым близким к «Куин Элизабет» из вражеских кораблей. Один из снарядов буквально разорвал носовую башню германского линкора, попав под ее основание. В считанные секунды крупновская броня башни была смята, как бумажный листок, и отброшена за борт корабля, при этом весь боевой расчет башни погиб мгновенно. Только по счастливой случайности не детонировал боезапас второй носовой башни, лишившейся от взрыва двух пушек.

Второй британский снаряд упал рядом с левым бортом линкора, пробил его борт и, попав внутрь, вызвал пожар в бомбовом отсеке. «Рейнланд» был на волоске от гибели, но ворвавшаяся внутрь вода мгновенно погасила огонь и спасла линкор от неминуемой гибели.

В ответ немцы полностью выбили все шестидюймовые батареи правого борта, вызвав пожар на батарейной палубе, покорежили поворотные механизмы кормовых башен, лишив их возможности двигаться. Единственное уцелевшее ранее носовое пятнадцатидюймовое орудие успело дать в сторону врага только один выстрел, прежде чем было уничтожено прямым попаданием с «Байдена».

Его мощный взрыв сильно качнул линкор «Тюринген», прогремев рядом с левым бортом и осыпав боевую рубку корабля дождем стальных осколков. Проникнув внутрь тесного помещения, они превратили в кровавое месиво стоявших на их пути флаг-штурмана Кребса и старшего офицера корабля фон дер Гольца и серьезно ранили командира линкора капитан цур зее Целендорф. Не успели столбы воды осесть на морские волны, как от новых попаданий взорвалась сама «Куин Элизабет», на борту которой произошла детонация основного бомбового запаса линкора.

Командиру «Малайи» капитану Бойлу по-прежнему везло. Несмотря на то что его линкор преследовало сразу четыре корабля противника, только двое, «Остфрисланд» и «Гельголанд», могли вести полноценный огонь из своих главных калибров. «Ольденбург» с «Вестфа-

лен» могли вести огонь только своими шестидюймовыми бортовыми орудиями, поскольку их носовые башни были приведены к молчанию. Британский линкор тоже потерял свои дальнобойные козыри и избегал смерти только благодаря паровым турбинам, работающим на мазуте. Сохраняя свои двадцать четыре узла, линкор сохранял между собой и врагами спасительное расстояние.

За все время преследования британец получил девять попаданий, но все они не были смертельными для корабля. Бойл выгнал на мостики всех оставшихся в живых дозорных, желая как можно скорее узнать о появлении на горизонте долгожданного спасения в виде линкоров Стэрди. По расчетам штурмана корабля Паттерсона, эта встреча должна была произойти в интервале от четырех до девяти минут, в зависимости от того, с какой скоростью шли корабли подмоги и как быстро они смогут выйти на врага.

Очередной залп комендоров кайзера лег очень близко к борту линкора, с силой качнув его тяжелый корпус. Озабоченный Бойл уже собирался отдать команду об изменении курса корабля, как истошный крик дозорного опередил его.

– Пожар! – кричал насмерть напуганный моряк, указывая в сторону кормы. Британец затравленно обернулся и моментально понял причину столь ужасного испуга своего подчиненного. Вражеский шестидюймовый снаряд попал в самое уязвимое место линкора, его топливную цистерну с мазутом для турбин. Яркий факел огня сильным столбом вырывался из развороченных внутренностей корабля, отсчитывая его последние минуты жизни.

Напрасно моряки линкора бросились тушить это адское пламя, «Малайя» был обречен. Едва только они приблизились к месту пожара, как раздался ужасный взрыв, и, словно набравшись новых сил, огонь вырвался наружу, при этом безжалостно раздирая тело корабля. Окутанный огромным столбом дыма и огня линкор упорно продвигался вперед до тех пор, пока разбушевавшееся пламя не достигло пороховых камер. Новый взрыв, расколовший судно пополам, известил оставшихся в живых британских моряков о мужественной кончине последнего корабля эскадры адмирала Грэга.

В то время, когда линкоры Шмидта, полностью выполнив свою задачу, спешно ложились на обратный курс, дела адмирала Бенеке были не столь удачны. Преследуя «Монарха» и «Роял Соверен», немцы никак не могли добить корабли Битти, при этом сами несли боевые потери. Во время преследования британцев на крейсерах «Мольтке» и «Гинденбург» произошли поломки машин, а на линкоре «Фридрих Великий» от попадания вражеского снаряда произошло возгорание кордита. Команда корабля спешно затопила горящий отсек, из-за чего скорость линкора снизилась.

Теперь соотношение сил стало два к пяти, что давало британцам хорошие шансы на спасение. Железная выдержка германских комендоров, измученных непрерывной огненной дуэлью, стала сдавать, и их снаряды все чаще и чаще ложились мимо цели. Невидимый вирус нервозности охватил боевые расчеты уцелевших орудий, с каждым неудачным выстрелом он только автоматически усиливался, приводя к новым промахам. Неизвестно, к чему бы это все привело, но Бенеке, желая приободрить вконец уставших людей, приказал поднять на «Байерне» сигнал, который немедленно продублировали все остальные суда: «Германия просит комендоров исполнить свой долг».

Неизвестно, насколько эти слова помогли людям прийти в себя, но результативность стрельбы моментально возросла. «Принц-регент» вместе с «Фон дер Таном», вначале зажав «Монарха» в смертельную вилку, почти одновременно добились прямого попадания в линкор. Разорвавшийся под кормой двенадцатидюймовый снаряд с «Регента» заклинил рули судна, а десятидюймовый гостинец «Фона», пробив броневую защиту правого борта, попал в машинный отсек, где уничтожил три паровых котла.

Пораженный корабль сразу стал выписывать циркуляцию и, по злой иронии судьбы, устремился прямо на германский флагман «Байерн», который был вынужден прервать дуэль

с «Роял Совереном» и перенести огонь своих носовых пятнадцатидюймовых орудий на «Монарха». После третьего залпа британский линкор получил новое попадание, вызвавшее его быстрое опрокидывание. В считанные минуты краса и гордость британского флота навсегда выбыл из списков кораблей его величества.

В какой-то мере оттянув на себя огонь вражеского флагмана, «Монарх» спас «Роял Соверен» от неминуемой гибели, поскольку тот, лишившись почти всей своей артиллерии, не мог противостоять трем вражеским линкором, пусть даже и потрепанным прежним боем. Командоры с «Кенига» и «Кайзерин» сумели влечь по паре снарядов в удирающий во все лопатки «Соверен» и, пробив броню корабля, вызвали сильный пожар, для устранения которого пришлось срочно затапливать трюм забортной водой. Скорость линкора заметно снизилась, и не будь «Байер» занят боем с «Монархом», флагман Битти был бы уничтожен, однако судьба решила все по-своему.

Заметив потерю хода у «Соверена», немецкие линкоры приготовились добить «Соверен» самостоятельно, но неожиданно на флагмане взвился сигнал о немедленном проведении поворота оверштаг, что означало немедленное завершение погони. Что послужило причиной к отдаче этого сигнала со стороны Бенеке, командирам линкоров было неизвестно, но они немедленно подчинились ему, хотя и скрепя сердце.

Обнаружив отступление противника, все британцы, начиная от простого матроса и кончая самим адмиралом, торжественно закричали, расценив подобное поведение германцев как испуг перед приближающейся эскадрой Стэрди. Радостно пыхтя уцелевшей трубой, «Соверен», наполовину затопленный водой, устремился на рандеву со своими спасителями. Минута проходила за минутой, но горизонт оставался девственно чистым, дымов британских линкоров не было видно. Пронзительный холод тревоги заполнил сердце флагмана, и дурное предчувствие его не обмануло.

Расставшись с одной частью германской кригсмарине, британцы на всех парах спешили на встречу с другой, подводной частью, которую Шеер заботливо разместил двойным занавесом задолго до начала своей операции.

Отсутствие кораблей Стэрди в точке рандеву было обусловлено их незапланированной встречей с главной линией подводного заслона. В результате внезапной атаки немцы потопили три легких крейсера «Уорвик», «Кент» и «Мидлсброу», а также сильно повредили линейный крейсер «Лайон» и флагманский линкор «Беллерофонт». Строй судов моментально сломался, и под прикрытием эсминцев оставшиеся линкоры занялись борьбой со страшной подводной угрозой.

В результате этого интенсивного обстрела немецкий флот недосчитался трех своих подлодок, не успевших быстро уйти на глубину, но на этом сюрпризы для британцев не закончились. Кроме торпед в этот поход субмарины взяли также мины, букеты из которых установили на предполагаемом пути движения вражеских судов.

Именно на один из них и налетел «Кинг Джордж V», шедший головным в колонне линкоров. Сильный взрыв потряс нос корабля, и одновременно с ним из недр линкора вырвалось огромное облако пара, говорившее о серьезном повреждении судовых котлов. Несколько секунд «Кинг Джордж» по инерции продолжал катиться по морским волнам с небольшим креном на нос, а затем новый взрыв потряс корпус корабля, поскольку он наскочил на еще один минный букет. Новый взрыв буквально подбросил несчастный корабль вверх, отчего внутри него произошла детонация снарядов, и линкор моментально затонул.

Все эти события сильно притормозили дальнейшее продвижение кораблей Стэрди и полностью развязали руки командирам двух подлодок, встречавших «Соверен» на его пути домой. Израненный и полузатопленный корабль с честью выдержал два попадания вражеских торпед, но третья торпеда оказалось для него роковой.

Получив сильный перегруз на нос, линкор буквально клюнул им воду и стал стремительно погружаться строго в вертикальном положении. Мелькнули медленно вращающиеся в воздухе могучие корабельные винты, и морские волны дружно сомкнулись над своей новой добычей.

Напрасно всплывшие германские подлодки выискивали на морском просторе среди чудом спасшихся моряков линкора их адмирала. Вице-адмирал Битти, как истинный командир судна, ушел на дно вместе с ним.

Когда эскадра Стэрди смогла прийти к точке randеву, только обломки такелажа да два человека, уцепившиеся за спасательный круг, встречали долгожданную подмогу. Из всех кораблей двух могучих эскадр, на которые Черчилль и Джеллико возлагали столько надежд, уцелел только линкор «Бэрхэм», из-за поломки машины не участвовавший в схватке с немецким флотом. Встреченный вышедшими из Скапа-Флоу кораблями адмирала Гранта, он благополучно добрался до главной базы британского флота под прикрытием миноносцев. Узнав о судьбе Грэга и Битти, командир корабля капитан Паунд испытал огромное унижение и позор от своего неучастия в схватке с противником, хотя его никто не посмел упрекнуть в этом.

Однако главную чашу позора первый лорд адмиралтейства испил, узнав о сдаче в германский плен линкора «Варспайт». Окруженный эсминцами Траубе, поврежденный линкор еще мог оказать сопротивление врагу, но команда корабля предпочла плен немедленной смерти. На принятие подобного решения повлияла гибель всех офицеров корабля в результате попадания снаряда в боевую рубку. В один момент линкор лишился всего командного состава и, лишившись управления, выкатился из общего строя линкоров, что поначалу было расценено всеми как повреждение рулей.

Когда же уцелевший экипаж корабля смог проникнуть в рулевую рубку и выправить положение «Варспайта», линкор уже был полностью окружен вражескими эсминцами. Имея в своем распоряжении только шестидюймовые бортовые батареи и сильную носовую течь, экипаж решил, что это вполне весомый аргумент для капитуляции, и поспешил сдаться.

Прекрасно понимая всю важность случившегося, Траубе проявил больше внимания к сильно избитому и наполовину затопленному линкору, чем к своим не менее поврежденным кораблям. Появление вражеского линкора под белым флагом вызвало бурю эмоций среди толпы любопытных, встречавших вернувшуюся из боя эскадру, и самым счастливым из зрителей был кайзер Вильгельм, на радостях осыпавший всех участников сражения дождем наград и чинов.

Сухорукий кайзер радостно тряс руки Шееру и Хипперу, на волне эмоции простив адмиралам потерю в бою двух кораблей его драгоценного флота, к которым можно было с чистой совестью приписать и «Позен», представлявший собой по прибытии в Вильгельмсхафен искореженную махину, не подлежавшую восстановлению.

Его влажные глаза, горевшие необузданным огнем торжества и ликования, буквально терзали стоявший перед ним первый морской трофей, взятый его флотом в схватке с заклетыми британцами. Плененный линкор, конечно, совершенно не был сопоставим с тем огромным списком кораблей, захваченных англичанином Нельсоном при Трафальгаре, но именно с ним сравнивал себя кайзер в этот день славы флота открытой воды.

Так 24 июня было навечно вписано в историю молодого германского флота как самый знаменательный день с момента его рождения. В ознаменование этой победы кайзер приказал выпустить специальную медаль на особой трехцветной ленте, повторяющей государственный флаг рейха. Ее получил каждый участник сражения, а среди самих моряков с той поры появилась традиция, согласно которой каждый третий тост, поднимаемый немецкими моряками в своем кругу, звучал коротко и ясно: «За тот день!»

Оперативные документы

Из секретного доклада командующего британским флотом адмирала Джеллико морскому министру империи Черчиллю от 26 июня 1918 года:

...Общее число потерь нашего флота после сражения при Уош-Банки составили 13 кораблей, из которых десять линкоров и три крейсера. Людские потери оцениваются в 9058 человек, включая в это число всех погибших и попавших в плен моряков.

По предварительным данным, прямые потери германского флота составили 7 кораблей, в число которых входят два линкора, один линейный и один тяжелый крейсера, а также три эсминца. Людские потери врага приблизительно составляют 856 человек.

На данный момент полностью уничтожена наша вторая эскадра линкоров, а также понесли серьезные потери четвертая и пятая эскадры флота империи. Для срочного выправления опасного положения, грозившего оставлением побережья нашей страны беззащитным перед угрозой морского десанта или обстрела со стороны моря важнейших пунктов Британии, я решил соединить корабли четвертой и пятой эскадр линкоров в одно целое. Главным пунктом их базирования является Ярмут, командир эскадры – адмирал Стэрди.

Для защиты Лондона от возможного удара со стороны вражеского флота на Темзу из Портсмута переведена третья эскадра линкоров контр-адмирала Левисона. Наши основные силы в виде первой эскадры линкоров продолжают находиться в Скапа-Флоу под командованием вице-адмирала Джерома. Для скорейшего восстановления прежнего равновесия в акватории Северного моря туда необходимо перебросить из Плимута шестую эскадру линкоров и седьмую эскадру легких крейсеров из состава флота канала под командованием адмирала Блэкета.

Все вышеперечисленные мероприятия необходимо провести как можно скорее, поскольку после сражения при Уош-Банки противник обязательно попытается закрепить свое временное превосходство на море и нанести нашему флоту новый удар в виде набега на наши основные места базирования или же на саму столицу.

При сложившемся положении нам крайне желательно получить помощь со стороны русских, призвав Корнилова направить корабли Балтийского флота на основные базы немцев на Балтике: Данциг, Шнайдемюль или Киль. Любая активность русских кораблей на этом направлении заставит немцев временно отказаться от активных действий против нас и будет огромным благом для нас.

В завершение я прошу Вас принять мою отставку с поста главнокомандующего британским флотом, так как не считаю возможным свое пребывание на этом посту. Готов вновь возглавить любую эскадру флота Его Величества или корабль, если на это будет Ваша воля.

Адмирал флота сэра Джон Джеллико

Срочная телеграмма из Лондона от первого лорда адмиралтейства Черчилля в Могилев, в Ставку Верховного Главнокомандования русской армии генералу Корнилову от 26 июня 1918 года:

Дорогой сэра! Я лично и от лица правительства Его Величества короля Георга очень прошу Вас оказать союзническую помощь Британии в этот безо всякого преувеличения трагический момент для моей страны. Согласно оперативным расчетам штаба Британского флота, полностью подтвержденным последними сведениями нашей разведки, в самое ближайшее время ожидается внезапное нападение германского флота на Лондон и ряд наших морских портов.

Помня Ваше дружеское отношение к Англии и к её народу, просим Вас оказать нам военную помощь, аналогичную той, что была оказана силами флота Его Королевского Величества

в октябре 1917 года. Необходимо атаковать места дислокации немецкого флота на Балтике, что обязательно заставит противника приостановить свои приготовления против нас.

*С огромным уважением,
Уинстон Черчилль*

Из послания морского министра Черчилля к премьеру Ллойд-Джорджу от 27 июня 1918 года:

Господин премьер-министр! Прошу принять мою отставку с поста первого лорда адмиралтейства в связи с невозможностью моего нахождения на этом месте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.